

I.

УКРАЇНА ДО СИНІВЪ.

(Читано на бенкеті, данімъ публично у Полтаві, въ день знесенія крѣпости, 19 Лютого 1861-го року.)

Довго Матірѣ синівъ своїхъ

Слізми обливала, —

Сёго часу щасливого

Довго дожидала.

Діждалася.... Свою Матірѣ

Послухайте жъ діти:

«Тую пляму народнюю

«Ділами зітріте!

«Творіть волю Господню:

«Въ добрі спійте, діти!

«Покажіть, що въ Україні

«Столітня негода

«Не здоліла осквернити

«Правого народа...

«Голі діти, хата бідна,

«Солом'яна стріха,

«Чисте серце, віра въ Бога

«И розмова тиха....

«Не на наше плем'я ляже

«Соромъ тій неволі:

«Діди ваші умірали

«За святую волю;

«Ваша матірѣ—Україна

«Вся огнемъ пала...

«Така доля.... встала кривда
«Й правду затоптала.
«На велику працю, діти!
«Въ далéку дорогу! —
«Те, що снитця, будувати
«Помолившись Богу!
«Те що снитця, колись, може,
«И правдою стане — — —
«А до того... праці, діти,
«Праці дужої й науки
«Україні треба.
«Зъ Богомъ, діти! хто вірує
«Той все переможе!
«Учітеся, крещітеся,
«'Хай вамъ Богъ поможе.

Полтава, 1861 р.

II.

Въ мене серце до любови,
Біле личко, чорні брови.
Що робила—мати знала,
Въ скриняхъ скарбу принадбала.
И вишневий е садочокъ,
Зъ шістью крилами млинóчокъ,
Хата біла, гай у полі —
Не жалкую я на долю!
Вмію голосно співати,
Тугу въ серці розганяти;
Мовъ ті зорі — очі сяють,
Коло мене хлопці грають, —
Та нема, нема нікого
Надъ козака молодого:
Вінъ на скарби не вважає, —
Вінъ за те мене кохає,
Що у мене чорні брови,
Въ мене серце до любови.

Полтава, 1860 р.

III.

ВЕСНА НА ХУТОРІ.

Потепліло; сонце сяє,
 Травка зелене;
 Жайворонокъ вже співає;
 Нагідкі й шавлія,
 Чорнобривці и кануперъ
 Сходять—божі квіти, —
 И гріютьця проти сонця
 Босеньки діти,
 И бабуся до ушуківъ
 Старенька смієця;
 Надъ малими ластівочка
 На-округі вьєця;
 За горбодомъ, на цярині,
 Плигають ягнята,
 По-надъ річкою жовтіють
 Малі гусенята;
 Міжъ вербами синесенька
 Пливе Ворскла — річка;
 Ось, на липині, й гніздечко
 Мостить божа птичка;
 Гудуть бджоли у садочку,
 Чути пісню зъ поля.....
 Такъ, здаєця, що й щастлива
 Хлібороба доля;
 Такъ здаєця!.... подівися —
 Якъ въ божому раю,
 Такъ-то весело и гарно
 У нашому краю!

Ой колибъ не тая думка
 Серце рсзривала,
 Ой колибъ же оттіхъ пісень
 Мати не співала, —

Оттіхъ пісень тяжкихъ—тяжкихъ,

Що ажъ серце вьяне, —

Тоді, може бъ, я й повіривъ,

Що правда настане;

Ой колибъ до тебе въ хату,

Мій добрий сусідо,

Не ходила біда люта

Та не гнула діда,

Не сушила молодіці,

Дітобъ не губила, —

Тоді бъ, може, милий краю,

Душа не боліла!...

С Нижні Млини. Весною 1861 р.

В. Куликъ.

ОСТАННЯ ВОЛЯ.

Якъ умру я,—на могилі

Вербу посадіте:

Най широко роскинутця

Плакучіі віти;

Одрадніше міні буде

Въ самоті лежати,

Буде легше підъ землею

Въ холодочку спати...

Що пові вітрець теплий,

Вербу заколише,

То й на мене ріднимъ духомъ

Пахнє и задише;

И я знову пригадаю

Вірную дружину,

Знову серцемъ привітаю

Рідну Україну, —

Привітаю, забажаю,

Щобъ и їй щастило,

Щобъ сонечко її гріло,

И не заходіло....

1861 р.

А. Навроцький.

ОБІДЪ У ВЕДМЕДЯ.

(Байка).

Ведмідь обідъ дававъ;
 Зібравъ вінъ не одну рідню свою ведмідівъ:
 Кликнувъ и другихъ ще сусідівъ,
 Хто тільки въ лісі бувъ, усіхъ вінъ поззивавъ.
 Чи то були родини, чи поминки,
 А тільки сей обідъ ведмідь задавъ на диво:
 Яке було м'ясиво!

Якихъ не їли стравъ! и щó пили горілки!..
 Ведмідь п'яненъкий бувъ, и дружбу заходивъ
 Доказувать гостямъ: співавъ їмъ многі літи,
 А кончивши обідъ, пішовъ писать мисліти

Й навприсяжки пустивъ:

Лисиця, глянувши, сплеснула ажъ лапками:
 «Ейбогу молодця! чи бачь, які прудкі!
 «Михайло Йвановичъ! Эге! такъ ви такі?
 «Якъ той метеличокъ! зъ якими тропакami!
 «Небачивши сама, невірилабъ нізачо...»

Тутъ щось у-бікъ їй—торкъ!

Вона оглянулась, ажъ то старий бувъ вовкъ
 И каже їй на вухо: «та й брешишъ ти, ледащо!
 Який тамъ вінъ прудкий? дробцює—й ноги вкупі,
 И тільки гупотить, — товче мовъ просо въ ступі.»

Лисиця вовкові въ одвітъ:

«Брехнею прійдишъ ти весь світъ,
 А правдa що? загинишъ зъ нею!

Не я жъ одна живу брехнею...

Поглянь и на людей: одъ ко́го естъ пожива,
 То якъ би не прийшлось—чи дурню, чи мурлу,
 А кажуть и ёму велику похвалу...
 У світі, куме, се не диво!

Чого жъ би й я брехала въ вічі?

Ведмідю угодить якъ слідъ,

То и вечеряти покличе,

Або іще-разъ на обідъ.»

И. Петровъ.

ОТВѢТЪ

НА СТАТЬЮ ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО:

»Ходатайство Костомарова за Сковороду и Срезневскаго.«

Неспособная манера — обращаться вмѣсто статьи на автора, задѣвать личность вмѣсто мнѣній. Въ VII книжкѣ *Основы* я напечаталъ возраженіе на статью о Сковородѣ, помѣщенную въ *Русскомъ Словѣ*. Ктѣ былъ ея авторъ, что это за личность, гдѣ онъ служитъ, чѣмъ занимается, что прежде дѣлалъ и писалъ, — мнѣ до этого вовсе не было дѣла: я имѣлъ отношеніе къ одной статьѣ и къ *Вс. К—скому*, какъ автору *единственно этой* статьи. Теперь мнѣ возражаютъ, и при этомъ указываютъ на должность, которую я занимаю, на прежнія мои отношенія, называютъ меня даже по имени и отчеству, независимо отъ вопроса о Сковородѣ и о правѣ — оскорблять печатно личности безъ основанія, — что было предметомъ моей статьи въ *Основѣ*, — сулятъ мнѣ *старческія украшенія*, — однимъ словомъ, толкуютъ о томъ, что къ дѣлу не идетъ вовсе. Мнѣ совсѣмъ нѣтъ охоты, мнѣ совѣстно, г. Крестовскій, толковать печатно о себѣ, а между-тѣмъ я нахожусь въ этой печальной необходимости, потому-что вы взваливаете на меня напраслину и, притомъ, печатаете въ журналѣ, котораго добрымъ мнѣніемъ я не имѣлъ причины не дорожить. Сверхъ-того, вы касаетесь вопросовъ очень важныхъ, какъ-то: сохраненія историческихъ и народныхъ памятниковъ и народности вообще; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ вашею статьею связанъ вопросъ объ оскорбленіи личности въ печати безъ-основанія. По этимъ причинамъ, я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу вашего »ходатайства г. Костомарова за Сковороду и Срезневскаго.«

Въ концѣ своей статьи, г. Крестовскій приводитъ мои слова, которыми я окончилъ свою замѣтку въ *Основѣ*:

«На васъ, г. Вс. К — овскій, возгласы какого-то читателя имѣютъ дѣйствіе холодной дѣши, а на насъ чтеніе вашей рецензіи производитъ дѣйствіе отвратительнаго запаха невѣжества и школьническаго нахальства».

Г. Крестовскій говоритъ:

«Скажите на милость, почтеннѣйшій профессоръ, что приходится отвѣчать на эти, пропитанныя тономъ литературно-генеральскаго презрѣнія, слова — мнѣ, простому рядовому въ батальонѣ російской словесности? Одно только: «виновать, ваше превосходительство!...»

Это напоминаетъ мнѣ школяра, который ударить товарища, а потомъ бѣжить жаловаться, что его бьютъ. Да не вы ли, г. Крестовскій, взяли на себя генеральскій тонъ и бездоказательно, не давая никому отчета, бросили взглядъ своего литературно-генеральскаго презрѣнія на г. Срезневскаго? — Что касается до моихъ словъ, то они суть слѣдствіе правильнаго умозаключенія. Статьи, гдѣ, безъ всякаго основанія, безъ доказательствъ, оскорбляютъ кого бы то ни было, приличны невѣжеству и школьническому нахальству; статья г. Крестовскаго, не приводя никакихъ основаній и доказательствъ, оскорбляетъ г. Срезневскаго, ergo — она носитъ на себѣ отпечатокъ невѣжества и школьническаго нахальства. Впрочемъ, г. Крестовскому можно отклонить отъ себя этотъ неизбѣжный силлогизмъ, который не мнѣ одному, но и всякому другому читателю, придетъ въ голову: стоить разъяснить, что побудило его къ такимъ выходкамъ противъ г. Срезневскаго? Въ настоящей своей статьѣ г. Крестовскій говоритъ мнѣ, что я долженъ былъ справиться съ дѣйствительностью его филологическихъ заслугъ. Мнѣ справляться объ нихъ не предстояло нужды: занимаясь русской исторіей, я безпрестанно нахожусь въ необходимости пользоваться многими изъ изданныхъ и объясненныхъ имъ памятникѣвъ. Другое дѣло — показать, какъ важны его заслуги, на-сколько онъ непогрѣшителенъ, въ чемъ ошибался, — но это не было моею цѣлью: я не думалъ ни превозносить, ни порицать г. Срезневскаго; но вы, коль-скоро вздумали бросить въ него комкомъ грязи, должны были подумать прежде — *за что*, и высказать намъ объ этомъ. Теперь вы, г. Крестовскій, мнѣ говорите: «*вамъ, можетъ-быть, его заслуги кажутся подвигами Гримма и Гумбольдта (откуда же вы это взяли, что мнѣ онъ таковыми кажутся?)*», но вы ужасно *«ошибаетесь: вся учено-литературная дѣятельность г. Срезневскаго представляется намъ, простымъ свистунамъ, чѣмъ-то въ родъ взбитаго крема, прежде пріятнаго, но если положить*

«его въ ротъ, то отъ него ровно ничего питательнаго не остается. Вы ли предупредите насъ, или мы васъ, въ оцѣнкѣ «этой дѣятельности, но смѣю увѣрить васъ, въ результатъ «правда будетъ на нашей сторонѣ...» Что же, предупреждайте, сдѣлайте одолженіе! когда же? А въ томъ, что вы теперь написали—еще брань, еще комокъ грязи въ г. Срезневскаго, — и только. Идетъ дѣло не собственно о г. Срезневскомъ, а о принципѣ, о литературной замашкѣ оскорблять всѣхъ и каждого безъ-основанія, не давая никому отчета. Въ васъ возбуждаетъ негодованіе Срезневскій или другой кто нибудь; обличайте его, въ чемъ хотите, но не оскорбляйте голословно. По моему мнѣнію, грязь, бросаема въ другаго безъ основательной причины, обращается на того, кто ее бросаетъ, и въ глазахъ честныхъ, добросовѣстныхъ людей, не смывается никогда. По-вашему, видно, иначе; кто вамъ не нравится, того безъ церемоніи выругаете печатно — и только; — въ полицію не посадятъ за это! и хорошо, и безопасно... У всякаго свой взглядъ, свои правила. Надѣюсь, что я имѣю столько же права высказывать свое, какъ и вы.

Вы говорите, что я съ самодовольствіемъ облакаю свои плечи въ блестящія старческія украшенія, и что это первый замѣтилъ г. Мордовцовъ. Г. Мордовцовъ, изъ моего разбора его статьи, выводилъ заключеніе, къ которымъ я никогда не приходилъ, именно — будто я утверждаю, что крестьяне малороссійскіе благоденствовали подъ Польскимъ владычествомъ, тогда-какъ я говорилъ единственно то, что матеріалы, которыми пользовался г. Мордовцовъ, были слишкомъ скудны, и что эта скудость не позволяла ему дѣлать такіе рѣшительные выводы, къ какимъ онъ пришелъ, — что онъ увлекся въ натяжки.

Вы поступаете, въ отношеніи меня, нѣсколько схоже съ г. Мордовцовымъ: вы хотите какъ-будто убѣдить меня въ томъ, что Сковорода не стоить того, чтобъ имъ восхищаться. А я имъ никогда и не восхищался. Я утверждалъ, что онъ былъ лицо народное и теперь остаюсь при томъ же убѣжденіи, и не могу иначе думать, потому что знаю это, по опыту. Если мнѣ не вѣрите — спросите у другихъ малороссіянъ: я увѣренъ, что всѣ, жившіе въ Малороссіи, подтвердятъ истину всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые я привелъ, — въ-особенности, если вы спросите объ этомъ у стариковъ, потому-что память о немъ, какъ и о всякомъ народномъ человѣкѣ, живѣе во времена близкія къ его вѣку, и ослабляется мало-по-малу. Вы говорите, что надѣялись отъ меня большаго уваженія къ здравому смыслу малороссіянъ. А отъ чего же вы не требовали отъ

меня еще большаго уваженія къ истинѣ? И въ чемъ тутъ вы видите неуваженіе? Развѣ изъ ложнаго патріотизма я долженъ писать ложь подобно Конискому, Маркевичу и другимъ, которые выхваляли небывалое, скрывали существовавшее? Вы опрометчиво и неправильно составили себѣ понятіе. какъ Сковородины пѣсни перешли въ народъ. Съ вашимъ умозрѣніемъ, не зная предмета, о которомъ толкуете, вы снова попали въ просакъ, объявивъ Сковороду человѣкомъ отличавшимся *огромною симпатіею къ монастырскимъ обителямъ*. Честь имѣю довести до свѣдѣнія вашего, что Сковорода не любилъ монаховъ; объ немъ сохранились *устные* рассказы, какъ онъ убѣгалъ внезапно изъ того дома, гдѣ появлялись они, и *письменное* свидѣтельство о рѣзкомъ отвѣтѣ его на приглашеніе — поступить въ монашество, чтобъ стать столпомъ Церкви, и его обвиняли въ ереси.

Вы судите о сочиненіяхъ Сковороды, какъ-будто бы это новый писатель, только-что появившійся въ свѣтъ, — тогда-какъ на эти сочиненія слѣдуетъ смотрѣть какъ на памятникъ понятій, господствовавшихъ лѣтъ около ста назадъ. Примѣняя взглядъ, приличный рецензенту современнаго произведенія, къ памятникамъ минувшихъ временъ, вы приходите къ жалкому, варварскому принципу истребленія старины и народнаго достоянія. Странною мнѣ кажется непослѣдовательность *Русскаго Слова*, которое у себя даетъ мѣсто такимъ сужденіямъ, забывая — какъ прошлый годъ оно же выпустило и роздало безденежно своимъ подписчикамъ два тома *in-4° старинныхъ* произведеній русской литературы. Между-тѣмъ, издавая эти памятники по порученію редакціи *Русскаго Слова*, я легко могъ помѣстить въ нихъ и что-нибудь Сковородинское, если бы оно было постарѣе. Да тамъ и есть много гораздо хуже Сковородинскаго. Вы говорите: » и неужели же не надо стараться искоренять изъ среды народа все это дурное, на томъ только основаніи, что оно сдѣлалось народнымъ? » Вижу, что дѣло поварачивается на тотъ споръ, который недавно пропеходилъ у г. Пыпина съ г. Бушлаевымъ. Для избѣжанія повтореній, я укажу на превосходную статью г. Бушлаева, мнѣніе котораго, о несостоятельности покушеній воспитывать народъ по нашему образцу, я раздѣляю вполнѣ. Да еслибы и въ самомъ дѣлѣ вы сознательно рѣшились сдѣлаться воспитателемъ народа, то развѣ можно его воспитывать, не зная его понятій, убѣжденій, привычекъ, взглядовъ? Нѣкогда, въ одиѣхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, печатались народныя пѣсни; ихъ нашли въ то время оскорбительными для народа. Дѣйствительно, многіе отличались страшнымъ цинизмомъ и безиравствен-

ностію, но, по нашему мнѣнію, собраніе ихъ было такъ же полезно, какъ и самыхъ прекрасныхъ произведеній народной поэзіи. Не восхищаться народностію, а знать ее слѣдуетъ. Точно также — не восхищаться, не любоваться исторіею прошедшей жизни — наше дѣло, а уразумѣть ее. Творенія Іосифа Волоцкаго развѣ удовлетворяютъ умственнымъ потребностямъ, вашимъ и моимъ? Конечно нѣтъ, однако — не знаю какъ вы, а я — считаю ихъ чрезвычайно-драгоцѣнными, коль-скоро онѣ отражаютъ въ себѣ вѣрованія и понятія своего времени. Чтѣ можетъ быть нелѣпѣе *повѣсти о Соломонѣ*, напечатанной мною въ «Памятникахъ старинной русской литературы»? А между тѣмъ эту чепуху не лзя не признать истинныхъ сокровищемъ для изображенія темныхъ, невѣжественныхъ вѣрованій народныхъ XVII вѣка. Поставляя правиломъ, что сочиненій Сковороды, какъ памятника литературы XVIII вѣка въ Малороссіи, не слѣдуетъ издавать, — вы должны будете распространить это правило и на произведенія XVII и XVI вѣковъ, и далѣе. Или, быть можетъ, вы снисходительнѣе къ тому, чтѣ старѣе? Но если сочиненія Сковороды не будутъ собраны и изданы теперь, то они могутъ пропасть для того времени, когда станутъ такою же древностію, какъ тѣ, которыя, быть-можетъ, вы покроете археологическимъ уваженіемъ... Притомъ же, въ исторіи, вѣкъ болѣе древній и отдаленный отъ насъ не можетъ имѣть преимущества предъ вѣкомъ ближайшимъ къ намъ. Когда одинъ историкъ любитъ древность, другой можетъ заняться изученіемъ жизни въ ближайшую эпоху.

Посмотрите же, какъ, исходя изъ различныхъ точекъ, вы сходитесь съ г. Аскоченскимъ, столь ненавидимымъ вами, и достигаете одинакихъ требованій. Недавно г. Аскоченскій озлился на меня за статью *о мистической повѣсти о Нифонтѣ*, помѣщенной въ *Русскомъ Словѣ*. За чѣмъ-де я назвалъ ее *мистическою*, — какъ смѣлъ вознестись на нее хулу, находя въ ней «затѣйливые образы фантазіи!» Въ порывѣ своего лжеблагочестія, суровый мой рецензентъ забылъ, а, быть-можетъ, и никогда не зналъ, что Нифонтова повѣсть признана православною церковью въ числѣ *отреченныхъ книгъ*, и въ Кормчей XIII вѣка, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ, помѣщена въ ряду такихъ, за которыми не оставленъ авторитетъ достовѣрности. Да и въ наше время преосвященный Филаретъ, въ своемъ *Обзорѣ духовной литературы*, отзывался о Нифонтовой повѣсти какъ о сочиненіи, вовсе неуважаемомъ церковью. Эти обстоятельства, естественно, давали мнѣ право смотрѣть на нее не болѣе, какъ на поэтическое произведеніе своего вѣ-

ка. Но г. Асоченскій явно желалъ бы, чтобы подобные памятники или не издавались вовсе, или же издавались подъ условіями превратнаго на нихъ взгляда, усвоеннаго тѣмъ пустосвятствомъ, которое, въ суевѣрномъ страхѣ, не смѣетъ произнести смѣлаго сужденія ни о чемъ, что показываетъ претензію на религіозность, хотя бы вовсе неправильно, и такимъ-образомъ, думая угодить Церкви, расходится съ нею.

Подобнаго, съ своей точки зрѣнія, добивается и г. Крестовскій. По его мнѣнію, Сковороды вовсе не слѣдуетъ издавать, а если онъ изданъ, то должно на него смотрѣть не по соотношенію его съ вѣкомъ и тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ воспитался и жилъ, и на которое оказывалъ вліяніе, а подъ условіемъ современныхъ взглядовъ на современные требованія. Для насъ, съ одной стороны, чуждыхъ пустосвятства и ханжества, съ другой — не имѣющихъ желанія и призванія заниматься современными потребностями, предоставляя ихъ — съ полнымъ уваженіемъ — тѣмъ, кто специально посвятилъ себя этому предмету, — для насъ результатъ одинъ и тотъ же, какъ отъ г. Асоченскаго, такъ и отъ васъ: памятники прошедшаго времени — или должны оставаться вовсе неизданными и недоступными, — или являться въ фальшивомъ, искусственномъ свѣтѣ!?

Какъ съ памятниками минувшаго времени, такъ и съ современными произведеніями, получившими народное значеніе, не слѣдуетъ обращаться такъ легкомысленно, какъ вы, отзываясь съ такимъ презрѣніемъ о нѣкоторыхъ пѣсняхъ. Для васъ нѣтъ важнаго, что «какойнибудь хоръ пѣсенниковъ запѣлъ:

Расприкрасная столица,
Славный городъ Питербурхъ!
Шоль по Невскому припшехту,
Самъ съ перчаткой разсуждалъ,—

а досужіе слушатели подхватили — и пошла гулять по народу.» А задавали ль вы себѣ вопросъ: отчего же она пошла гулять по народу?— Значить, она удовлетворяетъ потребности народнаго вкуса. А понятъ народный вкусъ — не бездѣлица. Сдѣлайте-ка, чтобъ народъ запѣлъ ваше «изъ испанскихъ романсовъ,» напечатанное въ той же книжкѣ *Русскаго Слова*, гдѣ помѣщена ваша филиппика противъ меня. Пари готовъ держать, что не станетъ онъ пѣть этого, потому-что не найдеть ничего по своему вкусу. А въ «*расприкрасной столицѣ*» вѣрно что-то есть для него. И въ «*не шей ты мнѣ, матушка,*» и въ «*среди долины ровныя*», вѣрно что-то есть....

Ни слова,—ваши стихотворенія мнѣ субъективно могутъ нравиться гораздо болѣе, чѣмъ многія народныя пѣсни; но коль-скоро я сталъ на точку изслѣдователя народной жизни, тогда какая-нибудь «распри-
красная столица» для меня несравненно важнѣе вашихъ стихотвореній.

То, что нравится народу, не всегда нравится намъ,—и на оборотъ, оттого, что мы слишкомъ отделились отъ народа. Какъ же вы, съ различнымъ вкусомъ, не зная народа и не сочувствуя ему, станете искоренять въ немъ дурное? Да прежде оцѣните самого себя, повѣрьте хладнокровно: все ли то дурно, что *вамъ* кажется дурнымъ, все ли то хорошо, что *вы* считаете хорошимъ? И чѣмъ же вы будете искоренять то, что считаете дурнымъ? Неужели тѣмъ, что не станете издавать того, что народъ считаетъ, или считалъ прежде, своимъ достояніемъ? Перваго вы этимъ не искорените, а только лишите средствъ познакомиться съ народомъ — тѣхъ, кто этого желаетъ и имѣть въ томъ нужду, второе — отжившее въ народѣ — искоренять уже не нужно, а предавая забвенію, вы лишаете исторію матеріала.

Желаніе искоренять въ народѣ дурное приводитъ иногда къ смѣшнымъ и вмѣстѣ печальнымъ результатамъ. Назадъ тому лѣтъ восемь, я былъ свидѣтелемъ, какъ, въ одномъ губернскомъ городѣ, полицмейстеръ, въ слѣдствіе какого-то распоряженія, своеобразно имъ понятаго, ѣздилъ по городу съ плетью и преслѣдовалъ поющихъ пѣсни. Онъ при-
знавалъ пѣніе пѣсенъ на улицахъ неприличнымъ и самыя пѣсни *простонародныя* достойными истребленія. Это не вымыселъ; прибавляю это потому, что хоть преданіе свѣжо, а иной съ трудомъ ему повѣритъ. Жаль, что у насъ это не принято, а то бы я назвалъ чинъ, имя, отчество и фамилію этого врага народной музыки. Я знаю, что вы, г. Крестовскій, отзоветесь объ немъ съ негодованіемъ; но, въ-сущности, онъ руководился убѣжденіемъ, подобнымъ вашему — *искоренять въ народѣ все дурное*. И кто поручится, что иной гуманный и прогрессивный публицистъ, забравъ себѣ въ голову, будто онъ обязанъ истреблять въ народѣ все дурное, не станетъ поступать точно также, какъ и вышеозначенный полицмейстеръ, еслибы ему въ руки дать плеть, съ правомъ обращаться съ нею съ извѣстнаго рода свободою.

Народныя предрасудки уничтожаются сами-собою отъ просвѣщенія. Познакомится народъ съ физикой, съ исторіей,—перестанетъ самъ-собою вѣрить и въ созданныхъ имъ на свой ладъ чертей, и въ вѣдьмъ, и во многое, чему вѣрить по преданію, не зная, откуда и какъ оно возникло, какъ образовалось, чѣмъ поддерживалось. Тогда не нужно *иско-*

рента стараго: оно само-собою исчезнетъ. Невѣрныя понятія о землѣ сами-собою исчезли, когда открыта была Америка; нѣтъ мѣста астрологическимъ бреднямъ, при тѣхъ результатахъ, до какихъ дошла астрономія; нѣтъ мѣста громовымъ стрѣламъ для знакомаго съ законами электричества; умеръ и тотъ огромный китъ, на которомъ стояла земля, съ тѣхъ-поръ, какъ стали извѣстны законы взаимнаго притяженія; и магометовъ рай теряетъ свою прелесть по-мѣрѣ-того, какъ западная наука проникаетъ на мусульманскій востокъ; и власть папы держится на волоскѣ отъ неумолимой исторической критики. Ненужно народу говорить: «не върь этому — върь другому» — надобно показать ему лицомъ къ лицу истину, — предрасудокъ исчезнетъ самъ собою.

Задача—*искоренять* въ народѣ что бы то ни было—всегда ложная. Творите, а не разрушайте; ветхое разрушится и обратится въ пепелъ, развѣется повѣтру само-собою. Иначе, —гдѣ искорененіе, тамъ насиліе—и часто приходится жалѣть о разрушенномъ. Наша исторія живой примѣръ этому: насильственные дѣйствія Москвы убили нашъ удѣльновѣчевой строй; реформа Петра Великаго, продолжавшаяся слѣдующими за нею эпохами, оторвала насъ отъ старинной жизни и заставила насъ смотрѣть на нее съ презрѣніемъ; а когда мы познакомились съ нашею прошедшей жизнію покороче, то увидали, что многое, многое было въ основаніяхъ своихъ лучше новаго, и во многомъ, даже въ настоящее время, приходится возвращаться къ старинѣ, — конечно, не по развитію формъ, а по смыслу идей, лежавшихъ въ основахъ старой жизни. Можетъ-быть вы принадлежите къ тому кружку, для котораго подобная мысль — нелѣпость, къ кружку, къ которому принадлежать критики, подобные г. Шишкину, который, недавно, вознося Петра Великаго, ударилъ пятою въ Великій Новгородъ, а Псковскую вольность и общинное пользованіе землею помѣстилъ въ кучу всякаго рода добродѣтелей (?). Мы, напротивъ, всматриваясь въ эту кучу добродѣтелей, находимъ въ ней много такого, что еслибы возобновить въ наше время, то мы гораздо далѣе шагнули бы на пути общественности, чѣмъ безъ толку заимствуя и пересаживая къ себѣ западныхъ добродѣтели, изъ которыхъ очень многія, будучи добродѣтелями на западѣ, при условіяхъ тамошней исторической жизни, у насъ превращаются въ пороки, или, по-крайней-мѣрѣ, не даютъ такихъ плодовъ, какіе давали на своей прежней почвѣ, такъ точно, какъ бордосскія и рейнскія лозы въ Крыму не даютъ такого вина, какъ у себя дома. Истина вездѣ та же истина, но формы, въ которыхъ она явится, могутъ быть различны. Тѣ же са-

мыя формы, въ которыхъ сохранились вѣковые предразсудки, могутъ сдѣлаться хранителями истины: изъ нихъ исчезнетъ само собою только то, что несовмѣстимо съ просвѣщеніемъ.

Но чтобы умѣть показать эту истину, нужно прежде всего знать народъ, понимать его прошедшее и настоящее, заговорить съ нимъ именно съ той стороны, съ какой слѣдуетъ, и съ какой можно на него подѣйствовать. А все это достигается не пышнымъ фразерствомъ, не пустымъ фонфаронствомъ, а изученіемъ народной жизни въ его прошедшихъ и настоящихъ памятникахъ. Такое изученіе даромъ не дается и не скоро получается; и для такого изученія несравненно болѣе сдѣлалъ г. Срезневскій съ его *рутиной*, (какъ вы, г. Крестовскій, выражаетесь), чѣмъ мы съ вами *независимымъ* и *живымъ* словомъ. Вы назвали меня *свободнымъ художникомъ*: слишкомъ много для меня чести, также какъ слишкомъ много оскорбленія въ пожалованіи меня титуломъ превосходительства. Не желая отнюдь послѣдняго, не смѣю думать о первомъ. Но если когда-либо явится въ наукѣ русской исторіи историкъ-художникъ, то не прежде, какъ тогда, когда почтенные *рутинеры* своими изданіями и изслѣдованіями григотоваютъ ему возможность проявить свой талантъ и свои силы. До сихъ поръ еще груды памятниковъ прошедшей жизни лежатъ погребенные въ архивахъ и библіотекахъ неизслѣдованные, необъясненные: — далеко намъ до художества!

Слова объ убійствѣ *злой воли* у Сковороды вы называете рабскимъ аскетизмомъ. Что же это? Преодоленіе лѣни, принужденіе себя къ труду полезному для ближнихъ, воздержаніе отъ пьянства, пресыщенія, сладострастія, корыстолюбія—неужели у васъ это рабскій аскетизмъ?.. Совершенно не кстати вы прицѣпляете къ Сковородѣ? Аскоченскаго; послѣдній — вашъ современникъ и вы можете съ нимъ ратовать по несходству убѣждений, которымъ суждено приниматься или отвергаться живыми людьми,—тогда-какъ Сковорода принадлежитъ исторіи, а если и до сихъ поръ продолжаетъ оказывать вліяніе, то вы его не разрушите, ибо, до тѣхъ, на комъ ложится еще это вліяніе, едва ли дойдутъ ваши рецензіи, да онѣ и слишкомъ безсильны для того, чтобы передѣлать упроченные временемъ и наслѣдствомъ убѣжденія и взгляды. «*Вы слишкомъ любите и лелѣете плоть:*» ужъ и поэтому не годитесь вы въ учителя народа, особенно — малороссійскаго.

Вы, г. Крестовскій, въ подражаніе, называете и себя свистуномъ. Что значить это названіе? Вы хотите осмѣивать дурное — не такъ ли? Сочувствуемъ этому, но не забывайте, что свистъ, смѣхъ надъ другимъ

есть наказаніе, а чтобы подвергнуть наказанію кого бы то ни было, слѣдуетъ его обличить: юридическое правило — *безъ суда никто да не накажется*—приложимо къ вамъ въ этомъ случаѣ. Васъ, конечно, смущаетъ всякое безсудное наказаніе, всякое проявленіе произвола надъ личностью чьею бы то ни было. Вы готовы ратовать противъ этого изъ всей силы; въ васъ пробуждается благородное негодованіе при всякомъ нарушеніи правъ и чести человѣка. Но вѣдь вы, въ тоже время, дѣлаете то-самое въ своей сферѣ, что такъ оуждаетъ въ другой, чуждой вамъ: ни съ сего, ни съ того вы бросаете грязью, не думая дать обществу отчетъ, что побуждаетъ васъ къ этому. Поймите же наконецъ, что оскорбляя другихъ, вы вредите и себѣ. Вашъ *свистъ* стануть презирать. Онъ даже не будетъ имѣть достоинства остроумія, потому-что для остроумія нужно же чтобы тѣ, передъ которыми вы острите, понимали—въ чемъ дѣло противъ чего и за что вы ратуете. Притомъ, такой *свистъ*—какъ вы называете (такая *грязь*!—какъ мы назовемъ ваши выходки), не свидѣтельствуетъ о чистотѣ вашихъ побужденій. Неблагородно нападать на соперника тогда, когда онъ не имѣетъ средствъ защищаться, если бы и могъ. Мы, повторяю вамъ—вовсе не беремъ на себя апологій г. Срезневскаго: идти дѣло не о его личности, а о принципѣ. Вы замѣтили въ своемъ возраженіи, что г. Срезневскій самъ могъ себя защищать. Въ томъ-то и дѣло, что въ такомъ положеніи, въ какое вы ставите г. Срезневскаго, самозащитеніе невозможно. Въ чемъ ему оправдываться противъ вашей извительной насмѣшки? Что можетъ онъ вамъ сказать на вторичную вашу выходку противъ него, гдѣ вы очень неловко сравниваете его сочиненія съ кремомъ? А между тѣмъ, ваши выходки оскорбительны, или, по крайней мѣрѣ, вы хотите ими оскорбить. По нашему мнѣнію, избѣгать такого рода задѣваній побуждаетъ благородное чувство, если оно есть въ человѣкѣ. Дѣйствуя такимъ способомъ, вовсе не значить быть обличителемъ; это не прямой бой; это безчестная нападка изъ-за угла, въ которой высказывается собственная трусость нападающаго. Это значить—ударить и убѣжать, такъ чтобы догнать не могли. Нѣтъ! когда хотите ратовать противъ человѣческихъ пороковъ и слабостей, то прежде обличите, поставьте человѣка передъ обществомъ лицомъ, разоблачите его, и тогда поражайте вашими остротами. Тогда дѣло само-за-себя будетъ говорить и вашъ смѣхъ довершитъ силу удара, если ваши обличенія будутъ столь важны и очевидны, что сопернику не останется возможности отстоять себя. Вы выражаетесь—что *понимаете* меня, — даете такой оборотъ дѣлу, будто я рѣшился возра-

зять вамъ за то, что, дескать, гусей подразнили. — Вы не понимаете меня, а можетъ-быть, не хотите понять. О какихъ гусяхъ идетъ у васъ рѣчь? Будемъ говорить напрямикъ. Г. Срезневскій — профессоръ, академикъ, ученый, много лѣтъ трудившійся на своемъ поприщѣ. Вы себя вообразили, что, по этому, я признаю за нимъ какую-то неприкосновенность авторитета: какъ, то-есть, смѣетъ молодой писатель такъ дерзко отзываться о старикѣ, почтенномъ и лѣтами и опытностію, и своими трудами! Ошибаетесь, м. г! Патріархальныя отношенія въ наукѣ и литературѣ мнѣ столь же противны, какъ и вамъ. Но если не должно страшиться обличать того, кто приобрѣлъ себя авторитетъ многолѣтнею дѣятельностію, то, съ другой стороны, не лзя же плевать на человѣка за то единственно, что онъ не молодъ, много трудился и приобрѣлъ къ себя уваженіе: онъ точно такъ же, какъ и молодой дѣятель, имѣетъ право быть огражденъ отъ несправедливаго презрѣнія со стороны всякаго авторитета. Вы за что-то недовольны г. Срезневскимъ и, не думая долго, оскорбляете его печатно, надѣясь на то, что подобныя выходки останутся безъ возраженій. Нѣтъ, м. г., мы, читатели ваши, имѣемъ право потребовать отъ васъ объясненій, и тѣмъ-больше имѣемъ на то права послѣ-того, какъ вы повторили вашъ оскорбительный отзывъ. Извольте обличить г. Срезневскаго фактически, — раскройте передъ нами его дѣятельность ученую и, пожалуй, гражданскую, и тогда, если вы исполните эту задачу успѣшно, можетъ-быть и мы откликнемся одобрительно на вашъ свистъ. А до того времени, ваши выходки будутъ намъ представляться не болѣе, какъ плодомъ тѣхъ качествъ, за указаніе которыхъ въ вашей статьѣ вы такъ оскорбились.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я бы просилъ васъ также и въ отношеніи ко мнѣ обличить меня и разъяснить значеніе вашихъ словъ, будто я *самодовольно одѣваюсь въ блестящія старческія украшенія*. Гдѣ, когда выразилъ я убѣжденія, которыя бы давали вамъ поводъ къ такому приговору, — убѣжденія противныя тѣмъ, которыя высказывалъ я прежде? Вы указали на г. Мордовцова. Но, вѣроятно, вы написали это, недолго разсуждая о томъ, что вы пишете, не задавая себя труда сравнить мой разборъ статьи г. Мордовцова съ его возраженіемъ. Последнее — есть верхъ недобросовѣстности. Съ болью въ сердцѣ принужденъ я сказать это; не за себя мнѣ больно, а за него, потому-что я не могу не уважать этого талантливаго и свѣдущаго писателя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благороднѣйшаго человѣка. Увлечшись на минуту духомъ полемики, онъ взялъ, къ-сожалѣнію, оружіе, правда — очень нерѣдкое въ наше время, но

чрезвычайно-недостойное ни его личности, ни его дарований. Онъ написалъ на меня и на другого своего противника, сдѣлавшаго ему совершенно-справедливыя замѣчанія, литературный *ложный* доносъ. Подобно тому, какъ въ инквизиціонныхъ и другихъ тайныхъ судилищахъ, *умышленно* давали сочиненіямъ и словамъ подсудимыхъ смыслъ, необходимый для обвиненія жертвы въ томъ, въ чемъ ее подозрѣвали, г. Мордовцовъ хотѣлъ вызвать изъ своихъ противниковъ убѣжденія и побужденія, которыми они гнушаются точно такъ же, какъ и окружающая ихъ общественная среда. Способъ — недостойный, и притомъ — неудобный. Въ такихъ судилищахъ, противъ обвиненія нѣтъ оправданій; но судъ литературный есть судъ публичный: довольно, если обвиняемый скажетъ, что онъ не думаетъ того, въ чемъ его обвиняютъ, — оправданіе слѣдуетъ само-собою логически. За обвиняемымъ можетъ остаться одно пятно: темнота выраженія; но за мной, надѣюсь, и того не останется, потому-что г. Мордовцовъ, обвиняя меня, *не приводилъ моихъ словъ*, не прибѣгалъ даже къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ уловкамъ — выбирать выраженія безъ отношенія ихъ къ предъидущему и послѣдующему, а просто — перифразировалъ мои слова такъ, какъ ему было нужно, заставляя меня возвѣщать то, чего я никогда не думалъ говорить, да — для большаго эффекта — поставилъ еще эпиграфъ изъ моего же сочиненія: *зачѣмъ мы старѣемся!* Вотъ, дескать, онъ устарѣлъ, и дошелъ до ретроградныхъ убѣждений!.. Теперь вы тоже повторяете. А предъ вами — чѣмъ я показалъ это? Тѣмъ ли, что утверждалъ и утверждаю, что памятниками литературы прошедшаго времени, имѣвшими вліяніе на свой вѣкъ, не слѣдуетъ пренебрегать, а напротивъ — надлежитъ ихъ сохранять, какъ матеріалъ для уразумѣнія теченія народной жизни и понятій? — или, можетъ-быть, тѣмъ, что считаю дѣломъ неблагороднымъ, достойнымъ невѣжества и нахальства, печатно бросать грязью въ личности и оскорблять ихъ изъ-за угла, не давая отчета и объясненій — за что и почему съ ними такъ поступаютъ? Это ли, по-вашему, тѣ *старческія украшенія*, которыя вы на меня хотите возложить? Это ли побудило васъ пожаловать меня превосходительствомъ? Это ли? Говорите не краснѣя...

Съ чего вы взяли обвинять меня еще въ раздражительности и забывчивости, увѣряя, что вы *не забыли*, вмѣстѣ съ Аскаченскимъ и Срезневскимъ, помѣстить бібліотеку Харьковскихъ студентовъ? Вы, точно, помѣстили ее, перечисляя подписчиковъ, но не посулили ей *безсмертія* вмѣстѣ съ Сковородою, подобно тому, какъ наградили этимъ

безсмертіемъ г. Срезневскаго. Рѣчь шла объ этомъ *безсмертіи*, и я вамъ указывалъ на эту фразу,—на раздачу безсмертія подписчикамъ,—а не на перечисленіе подписчиковъ. Если вы меня напрасно упрекаете въ *забычивости* по этому поводу, то я (убѣжденъ, что не напрасно) упрекаю васъ въ іезуитской уловкѣ — представить дѣло не такъ, какъ оно есть, и какъ вы сами его сознаете.

Ни къ селу, ни къ городу вы вздумали меня попрекнуть вопросомъ о происхожденіи Варягоруссовъ и г. Летголою; хотя это къ дѣлу нашему не относится, но я не оставляю и это безъ отвѣта для того, чтобы не сказали, что я не нахожусь что отвѣчать. Я постоянно занимался русской исторіей *на-сколько могъ*, по обстоятельствамъ, лишившимъ меня возможности изучать ее, какъ слѣдуетъ, въ лучшіе годы жизни; но вопросъ о происхожденіи Руси не занималъ меня, потому-что онъ относится къ тому періоду, въ которомъ не видно живыхъ людей, а бродятъ какія-то неясныя тѣни. Получивъ вновь каеэдру, я долженъ былъ заняться имъ по обязанности. Несостоятельность гипотезы о происхожденіи Руси отъ Нормановъ для меня казалось очевидною, а между-тѣмъ у насъ въ наукѣ она приняла значенія несомнѣннаго историческаго факта. Съ другой стороны, мнѣ слишкомъ бросалось въ глаза то, что въ нашихъ хронографахъ и отрывочныхъ сказаніяхъ о началѣ Руси, съ послѣднихъ годовъ XV в. вплоть до XVIII, повторялось призваніе Рюрика отъ Прусь, изъ литовскаго міра. Это казалось мнѣ не вымысломъ писакъ, а древнимъ преданіемъ, которое они занесли въ свои сочиненія, и казалось тѣмъ-болѣе потому, что оно связывается съ нѣкоторыми мионическими исторіями; наприм. о переименованіи Мутной въ Волховъ, о Волхѣ, о залеганіи пути, о чародѣйственной могилѣ Волха: эти мионическія исторіи уцѣлѣли до-сихъ-поръ въ народѣ, въ Новгородской Землѣ. Очевидно, что писатели занесли ихъ въ свои хронографы отъ народа. По аналогіи, я предполагалъ, что и призваніе князей изъ Прусь было такимъ же наследственнымъ преданіемъ. Географическія названія *Руси* въ имени рѣки *Руса* и прилегавшей къ ней стороны, еще болѣе подкрѣпили меня въ томъ, чтобы отдавать преимущество старому повѣрью предъ новыми мудрованіями. Я началъ заниматься литовскимъ языкомъ. Слишкомъ мало познакомившись съ нимъ въ какихъ-нибудь четыре мѣсяца, при другихъ занятіяхъ, я нашелъ въ лексиконахъ нѣсколько словъ, которыя мнѣ показались напоминающими имена Руссовъ, сохранившіяся въ нашихъ лѣтописяхъ; я прочелъ ихъ на лекціи, сознавшись въ недостаточности знаній въ литов-

70х.ко
скомъ языкѣ, и просилъ обратить на нихъ вниманіе знающихъ. Вслѣдъ-за-тѣмъ, я получилъ отъ своихъ слушателей нѣсколько замѣчаній и, напечаталъ свою гипотезу Г. Летгола обличилъ меня въ невѣрности. Неправильность нѣкоторыхъ приведенныхъ мною словъ положительно зависѣла отъ опечатокъ. Что г. Летгола могъ открыть у меня ошибки — очень естественно, когда я не зналъ по-литовски — и мнѣ бы оставалось повѣрить ему и воспользоваться его замѣчаніями; но тутъ ко мнѣ стали присылать письма природные Литвины, обличавшія Летголу и меня разомъ, и притомъ — негдѣ правды дѣтъ — противорѣчившія другъ другу. Одно изъ нихъ, носившее наиболѣе ученый отпечатокъ и писанное дѣйствительно специалистомъ - филологомъ, г. Летуви-сомъ, я, по его желанію, напечаталъ въ *Сверной Пчелѣ*. Печатать другія я не имѣлъ права, а нѣкоторыя писаны были въ формѣ, неудобной для печати, такъ-что мнѣ нужно было бы составлять самому статьи по нимъ. Я остался въ совершенномъ недоумѣніи, кто правъ, кто не правъ, — да притомъ и подтвержденіе теоріи посредствомъ сходства словъ было слишкомъ второстепенное. Продолжать же учиться по-литовски я не вижу необходимости, потому-что вопросъ о происхожденіи Рюрика не считаю на-столько важнымъ, чтобъ употребить на него время, которое можетъ быть отдано изученію эпохъ болѣе жизненныхъ и интересныхъ для мысли. Происхожденіе Руси изъ Литовскаго міра я считалъ и считаю гипотезою, въ моихъ глазахъ, тверже норманской, но все-таки гипотезою. Я не отрицаю возможности отказаться отъ нея и, пожалуй, принять хоть норманство, если представятся доказательства. Итакъ, вы напрасно меня упрекаете, будто я утверждалъ о томъ, чего не зналъ: я только предполагалъ, а не утверждалъ. Разница большая съ дѣломъ о народности Сковороды: здѣсь я не предполагаю, а достоверно *знаю*, и не можетъ быть возможности, чтобы кто-нибудь доказалъ невѣрность тѣхъ фактовъ, которые я привелъ въ доказательство народнаго значенія этого лица въ Малороссіи.

Н. Костомаровъ.

КОБЗАРЬ.

XXXII.

ЧАСТИНА ПОЭМИ:

ЕРЕТИКЪ ИВАНЪ ГУСЪ.

*Камень, егюже небрегоша
зичждуцие, сей бысть во
гласу угла; отъ Господа
бысть сей, и есть дивенъ
во очесѣхъ нашихъ.*

Псаломъ CXVII, ст. 22

Кругомъ неправда и неволя,
Народъ замученный мовчить;
А на апостольськимъ престолі
Чернець годованный сидить;
Людскою кровію торгуетъ
И рай у-найми отдаётъ....
О, Боже! Судъ твой правый все
И все царство твоё!
Розбийники, людоеды
Правду поборолъ, —
Осміяли твою славу
И силу, и волю.
Люде стогнуть у кайданахъ;
Немае съ кимъ взятись —
Роскуватись, — одностаїне —
Односерде стати
За Евангелію правди,
За темниі люде.

Нема́ кому!... Бóже Бóже!
 Чи тóжъ и не бóде?
 Чи настане вели́кий часъ
 Небéсної кáри?
 Чи розлóмимъ три корóни
 На гóрдій тіáрі?
 Розлóмимо!... Благослóви —
 Не на мeсть и мýки —
 Благослóви мої, Бóже,
 Нетвéрдіі рýки
 Ї́ слово т́хее... О Бóже!
 Чи вони́ жъ почýють?...»
 — — — — Оттáкъ,
 У кéлії своїй правді́вий
 Ива́нъ Гуcъ дýмавъ роскува́ть
 На́ро́дъ замýчений, — и д́иво,
 Св́яте́е д́иво показáть
 Оча́мъ незря́чимъ....
 »Побору́сь!...
 »За пра́вду Богъ!... Да соверши́тця!...«
 И вѣ Ви́флі́емську каплі́цю
 Пішо́въ моли́тця ві́рний Гуcъ.

XXXIII.

И не́бо не вмі́те, и за́спані́ фі́лі,
 И по — надъ бе́регомъ гeть-гeть
 Непáче п'я́ний — очeрeтъ
 Безъ ві́тру гнeтц́я.... Бóже м́илій!
 Чи до́вго бóде щe м́ині
 Вѣ о́цій не-за́мкнуті́й тюрмі́,
 По-падъ о́цімъ ні́кчeмнимъ мо́ремъ,
 Пуді́ти сві́томъ?... Не гово́рить,
 Мовчи́ть и гнeтц́я, мовъ жива́,
 Вѣ степу́ пожóвклая тра́ва,—
 Не хóче пра́вдоньки сказа́ть...
 А б́льше ні́-вѣ-кого спита́ть.

Т. ШЕВЧЕНКО.

ЧЕРНОМОРСКІЕ КОЗАКИ.

(Сочиненіе Ив. Понки.)

Нѣтъ необходимости доказывать важность отдѣльныхъ монографій, относящихся къ извѣстнымъ частямъ Русской Земли. При ея разнообразіи во всѣхъ отношеніяхъ, основательное знаніе общаго можетъ быть достигнуто единственно тогда, когда отчетливыя описанія странъ, представляющихъ своеобразныя черты, будутъ доставлять матеріалы, которые останется сложить и освѣтить взглядомъ, добытымъ изъ результатовъ, которые содержатся въ самомъ предметѣ. Въ ряду такихъ монографій безъ сомнѣнія важнѣйшими окажутся тѣ, которыя представляютъ состояніе краевъ, какъ въ географическомъ, такъ и этнографическомъ отношеніяхъ, имѣющихъ автономическое значеніе. Явленія прошедшей нашей исторіи и разнообразіе настоящаго народнаго быта доставляютъ возможность всю Россію разбить на группы, имѣющія болѣе или менѣе условія для составленія объ нихъ самобытныхъ монографій.

Достоинствами такихъ монографій могутъ и должны быть: полнота, вѣрность и ясность изложенія.

Полнота можетъ разсматриваться двояко: во-первыхъ, по отношенію къ сторонамъ, какихъ должно касаться описаніе; во-вторыхъ, по отношенію къ богатству чертъ, служащихъ для изображенія каждой изъ такихъ сторонъ.

Вѣрность также можетъ быть двоякая: вѣрность фактовъ и добытыхъ изъ нихъ результатовъ.

Что касается до ясности изложенія, то при вышеозначенныхъ условіяхъ она, безъ-сомнѣнія, есть важное обстоятельство, которое такого рода сочиненіе дѣлаетъ доступнымъ какъ для науки, такъ и для чтенія, и состоитъ въ точномъ выраженіи факта и мысли и въ со-

размѣрномъ сопоставленіи свѣдѣній, по ихъ внутренней связи и внѣшней послѣдовательности.

Сочиненіе г. Понки «Черноморскіе Козаки въ военномъ и гражданскомъ быту» представляетъ изображеніе края, почти нетронутого описательной нашей литературой, края, имѣющаго какъ по естественному своему положенію и свойствамъ, такъ и по жизни обитателей, своеобразную фizioномію, и слѣдовательно представляющаго содержаніе чрезвычайно-важное для знанія Россіи. Мы рассмотримъ его по отношенію къ тѣмъ достоинствамъ, которыя поставили мѣрилами значенія такого рода сочиненій.

Сочиненіе г. Понки по-преимуществу этнографическое. Опредѣливъ названіе своего сочиненія, онъ раздѣлилъ его на двѣ части: въ первой разсматриваетъ все, что входитъ въ кругъ гражданского быта: народонаселеніе, характеръ жилыхъ мѣстностей, сельское хозяйство, промышленность, торговлю, образованность и нравственность народа; вторая часть посвящена очерку военного состава козаковъ, образу службы и особенностямъ ея, принадлежащимъ исключительно краю и жителямъ, его населяющимъ. Собственно географія и исторія входятъ въ его сочиненіе какъ дополнительные свѣдѣнія, необходимыя для этнографіи и поясняющія данныя послѣдней. Такимъ-образомъ, прежде изложенія гражданского быта Черноморскихъ Козаковъ, авторъ предпосылаетъ топографическое описаніе страны и сообщаетъ свѣдѣнія о ея климатѣ и произведеніяхъ, условливающихъ народное здоровье и народныя занятія. По сообщаемымъ г. Понкою свѣдѣніямъ, Черноморье представляетъ двѣ неравномѣрныя части, отличныя одна отъ другой по своей топографіи: собственно Черноморье и Таманскій полуостровъ. Послѣдній представляетъ такія же условія, какъ Керченскій полуостровъ Крыма, и, по словамъ г. Понки, до того съ нимъ сходенъ, что кажется какъ-будто разорванною случайно, пополамъ, глыбою земли. Собственно Черноморье, или Черноморье степное, есть обширное луговое пространство, изрѣзанное множествомъ протоковъ или рѣкъ, текущихъ въ море и образующихъ болота и лиманы. Описанія этихъ рѣкъ у автора очень кратки и не представляютъ отвѣтовъ на многіе вопросы, которые, естественно, могутъ родиться у всякаго, кто, заинтересовавшись его книгою, захочетъ познакомиться съ Черноморьемъ въ его подробностяхъ. Такимъ-образомъ, мы не знаемъ ни направленія теченія этихъ рѣкъ, ни глубины ихъ, ни ширины. Точно такъ же и описаніе почвы и произведеній не принаровлено къ теченію рѣкъ

и ихъ взаимному положенію, тогда-какъ это было бы нужно, чтобы прослѣдить самый порядокъ заселенія страны, которое, естественно, находится въ прямомъ соотношеніи съ ихъ направленіемъ. Нѣкоторыя рѣки, означенныя на картѣ, не нашли себѣ мѣста въ описаніи. Почва и произведенія также описаны вообще кратко, и даютъ только приблизительное, легкое, понятіе о природномъ состояніи края. Вообще, географическая часть у автора слаба, и это можетъ найти себѣ извиненіе только въ томъ, что онъ и не думалъ описывать Черноморье во всѣхъ отношеніяхъ,—тѣмъ болѣе—его естественнаго состоянія, что цѣль его была — люди, а не земля. Но дѣло въ томъ, что людей, живущихъ на извѣстной землѣ, нельзя изучить, не зная земли, и кто хочетъ представить намъ очеркъ жизни Черноморья, долженъ напередъ познакомить насъ въ-подробности съ самою землею.

Авторъ сообщаетъ объ изобиліи кургановъ въ Черноморіи и допускаетъ очень смѣлую мысль: замѣтивъ, что курганы идутъ параллельно съ балками или оврагами, онъ думаетъ, что не только курганы, но и самыя балки были дѣломъ рукъ человѣческихъ, и вырыты были для осушки низменныхъ равнинъ и для усиленія слабаго естественнаго орошенія пастбищныхъ луговъ. Чтоже касается до самихъ кургановъ, то, по его мнѣнію, они насыпались для жилищъ, или, лучше сказать, для крѣпкихъ убѣжищъ троглодитовъ. Но признавая, что въ этихъ курганахъ находили человѣческія кости, онъ допускаетъ для значенія кургановъ два періода: оставленные древними обитателями, они содѣланы въ другихъ поколѣніяхъ мѣстами погребенія умершихъ. Эта мысль только набросана авторомъ и оставлена безъ ученыхъ доказательствъ, необходимыхъ въ подобномъ случаѣ; слѣдовало бы или не приступать къ ней вовсе, или по крайней мѣрѣ познакомить читателей подробнѣе съ самими курганами и указать ихъ сходства и отличія въ Черноморьѣ отъ тѣхъ, которые разсыяны въ безчисленномъ множествѣ по степямъ южной и даже средней Россіи. Догадка автора дѣлается несостоятельною, когда вспомнимъ, что для подобныхъ работъ необходимо было бы густое населеніе края и такія условія, которыя бы заставляли жителей продолжительнымъ трудомъ отстранять неудобства *жизли*, а не оставлять край, ища лучшаго. Онъ указываетъ въ примѣръ на египетскія работы. Но долина Нильская, по своей природѣ, есть такая мѣстность, которая дѣйствительно представляла приманку оставаться въ ней и употреблять трудъ;—этого не видно въ Черноморьѣ. Притомъ, троглодиты, которые не въ со-

стояніи сдѣлать себѣ избы, едва ли способны къ осушенію болотистыхъ мѣстностей. Самая мысль о рытвѣ кургановъ для жилья, вмѣсто избы, едва ли можетъ выдержать критику. Самъ же г. Попка говорить, что въ старину край былъ лѣсистъ; поэтому, для жителей, въ какой бы отдаленной отъ насъ эпохѣ они ни жили, кажется проще и удобнѣе было срубить избу, чѣмъ дѣлать земляную насыпь. Извѣстія о климатѣ очень любопытны, хотя желательнѣе было бы, чтобъ извѣстія слишкомъ общія были подтверждены самыми наблюденіями и примѣрами болѣе частными. Вообще, климатъ Черноморья представляется нездоровымъ, но это качество усиливается отъ запрудъ на балкахъ, образующихъ стоячую воду, и отъ гніенія камышей. Фактъ, сообщаемый авторомъ, стѣнитъ того, чтобъ на него обратить вниманіе и стараться объ искорененіи обычая, усиливающаго естественныя неудобства.

Описывая собственно гражданскій бытъ черноморскихъ жителей, книга автора становится удовлетворительнѣе и сообщаетъ дѣйствительно драгоценныя свѣдѣнія. Очень знаменательны извѣстія о томъ, какъ возникали въ Черноморьѣ отдѣльные хутора и вообще ходъ установленія поземельной собственности (стр. 76—82). Здѣсь событія, совершившіяся на памяти нашей и нашихъ отцовъ, слѣдовательно свѣжія, суть повтореніе того, на что указываютъ намъ акты, относящіеся къ быту Малороссіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ и наводятъ аналогически на разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ вообще въ южнорусскомъ племени. Стремленіе къ обособленію, развитіе личной свободы, выдвигеніе изъ равнаго общества семействъ и образованіе, такимъ-образомъ, зажиточнаго класса, постепенно идущаго къ тому, чтобъ сдѣлаться аристократією, и, влѣдствіе этого, оппозиція противъ нихъ общинъ, которыя прежде сами способствовали ихъ возвышенію,—все это черты, составляющія сущность прежней исторіи малороссійскаго племени, объясняемыя и дополняемыя фактами болѣе очевидными, болѣе современными, и потому болѣе для насъ осязательными и вразумительными. Авторъ, правда, только сообщаетъ намъ то, что замѣтилъ въ Черноморьи, не относясь къ прошедшему, не вдаваясь въ аналогію, но описаніе его, сдѣланное ясно и точно, само собою наводитъ читателя, знакомаго съ исторіей малороссійскаго народа, на эту аналогію. Такъ, многое, что совершается въ наше время въ народѣ, исходя изъ его коренныхъ привычекъ, соединенныхъ съ образовавшимся въ древности и установившимся въ теченіи столѣтій взглядомъ, пояснить для насъ

прошедшее, которое само по себѣ дошло къ намъ въ неясныхъ образахъ.

Авторъ, знакомя насъ съ главными отраслями сельскаго хозяйства, составляющими источникъ богатства края, представляетъ земледѣліе въ состояніи довольно неважномъ; больше вниманія обращается на скотоводство и рыболовство; производство этихъ хозяйственныхъ отраслей описывается съ любопытными подробностями, хотя бы для спеціальнаго сочиненія о краѣ нужно было представить болѣе подробно и наглядно тѣ особенности, какія отличаютъ мѣстную промышленность (стр. 96). Относительно садоводства и лѣсоводства, г. Попка указываетъ, что Войсковое Правленіе принимаетъ мѣры для развитія этихъ вѣтвей сельской промышленности; для садоводства заведенъ общепользительный разсадникъ на войсковомъ иждивеніи. Но вообще авторъ мало поясняетъ вліяніе такой мѣры: видно только, что эта отрасль идетъ плохо. Выше, говоря о скотоводствѣ, онъ сообщаетъ, что существовали прежде войсковые заводы, конскій и овечій, но, безъ пользы для края, перевелись сами собою. О садоводствѣ авторъ не говоритъ этого, но почти вѣроятно изъ всего хода его описанія, что и въ этомъ отношеніи результаты прямого попеченія сверху отъ органовъ управленія несостоятельны. Фактъ этотъ повторяется вездѣ. Всякій экономическій промыселъ идетъ тихо, если указывается сверху, и образцы всегда остаются пустою формою. Между тѣмъ, условія Черноморскаго Края, какъ видно, очень выгодны для скотоводства, которое сдѣлалось само-собою главнѣйшею отраслью богатства, —выгодны и для садоводства и виноградарства. Что не досказывается авторомъ, то ясно само собою: для поощренія первой отрасли и для успѣшнаго водворенія другой, необходимы—не примѣрные заводы отъ правительства, а частныя предпріятія туземцевъ, которыхъ примѣръ дѣйствительно можетъ увлечь общество, потому-что укажетъ прямую выгоду, добываемую такимъ занятіемъ; тогда-какъ, напротивъ, казенныя попытки, обыкновенно не удающіяся, какъ потому, что въ нихъ форма беретъ верхъ надъ содержаніемъ, такъ равно и потому, что для руководителей недостаетъ близкаго къ нимъ интереса, только могутъ отвратить отъ подражанія. Точно тоже можно сказать о лѣсоводствѣ (стр. 107). Едва ли обычныя, принятія у насъ повсемѣстно мѣры могутъ способствовать разведенію лѣсовъ, или и сохраненію ихъ, пока не распространится въ народѣ охота и сознаніе нужды ихъ сохранять. Это несравненно легче въ Черноморьѣ

и вообще у малороссянъ, чѣмъ въ другихъ краяхъ Россіи, потому что малороссы любятъ деревья, тогда какъ великорусскій крестьянинъ ихъ обыкновенно истребляетъ. Для поддержки и распространенія лесоводства нужна тоже предприимчивость частныхъ лицъ, которыя могутъ показывать дѣлю и другимъ. Было бы успѣшнѣе для хозяйства, еслибъ издержки, которыя употребляются на заведенія отъ казны, отъ правительства, отъ общества наконецъ, обратить на поощреніе частныхъ лицъ и предоставить тѣмъ, которые занимаются отраслями промышленности и хозяйства, какія желательно ввести въ краю, наиболѣе льготъ и выгодъ, дабы, такимъ образомъ, пріобрѣтеніе—важнѣйшій стимулъ человѣческой дѣятельности — находило себѣ поощреніе.

Авторъ изображаетъ состояніе промышленности и торговли края въ младенческомъ состояніи. Весь промышленный и торговый оборотъ совершается не туземцами, а заехжими, и оттого Черноморье представляется какимъ-то мѣстомъ стеченія разнородныхъ и разноплеменныхъ посѣтителей, въ такомъ множествѣ, что въ годъ перебываетъ тамъ 25 т. чужаго народа. Черноморская торговля сохраняетъ характеръ ярмарочнаго старообразнаго торгашества, мелкаго надувальчества купцовъ между собою. Нелюбовь къ торговымъ занятіямъ малороссійскаго народа проявляется здѣсь въ полной степени. Мало испѣляетъ ее и испѣлитъ административное образованіе торговыхъ и промышленныхъ обществъ и всякаго рода корпорацій, ибо малороссійскій народъ не любитъ корпорацій, составляемыхъ по опредѣленному заранѣе плану и навязываемыхъ ему. Корпорация приметъ имъ только тогда, когда она не стѣсняетъ его личной свободы: иначе, если онъ и самъ на нее согласится, то скоро она ему опротивѣетъ своею обязательностью.

Статья о финансовомъ устройствѣ изложена авторомъ недостаточно. Правда, мы въ ней видимъ таблицы и доходовъ и расходовъ, но не знаемъ, какъ и когда возникала каждая статья, что истекаетъ изъ мѣстной жизни, что установлено сверху. Въ разсказѣ объ образованности Черноморцевъ, авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о древней методѣ обученія у духовныхъ лицъ и о знакомствѣ съ черкесскимъ языкомъ, которое дѣти пріобрѣтаютъ въ школахъ посредствомъ сближенія съ учениками изъ Черкесовъ; также любопытна повѣсть о попыткѣ одного Черкеса — дать своему языку литературное развитіе (стр. 160—163). Но г. Пошка не сообщаетъ намъ подробностей о томъ, въ какой степени, съ какою охотою, усваиваютъ себѣ просвѣ-

щеніе Черкесы, какъ пользуются имъ и какія послѣдствія оставляетъ оно на ихъ жизни. Равнымъ-образомъ, авторъ мало распространяется и о томъ, какіе слѣды школьное воспитаніе вноситъ въ жизнь самихъ Черноморцевъ и въ какомъ положеніи находится домашнее воспитаніе. Очень замѣчательно приводимое имъ мнѣніе наказнаго атамана, Рашиля, о женскомъ воспитаніи: онъ считаетъ ненужнымъ заводить институты, на томъ основаніи, что черноморская женщина, по своему назначенію, не должна набираться барскихъ привычекъ. Мнѣніе — одностороннее; оно справедливо только въ томъ случаѣ, когда женскія заведенія будутъ основываться и поддерживаться въ такомъ духѣ, который, по здравому замѣчанію генералъ-лейтенанта Рашиля, не годится для черноморскаго общества; но ничто не мѣшаетъ быть имъ основанными въ иномъ духѣ, съ цѣлію болѣе-соответственной мѣстной жизни.

Вторая часть посвящена военному устройству и быту Черноморья. Авторъ обстоятельно изображаетъ настоящій составъ и распредѣленіе войска, средства его существованія и особенности тамошняго военного быта. Последнее представлено авторомъ съ большимъ стараніемъ. Изображеніе *пластунѣвъ* и *плавней* (стр. 241 — 261), кажется, самая лучшая часть всего сочиненія. Жаль, что авторъ, коснувшись исторіи Черноморья, ограничился воспоминаніемъ объ эпохѣ перехода Запорожцевъ на новоселье и не познакомилъ насъ со всѣмъ теченіемъ старой южнорусской жизни, измѣнявшейся въ продолженіи семидесяти лѣтъ подъ другими условіями. Но г. Понка не только оставилъ то, что было бы самымъ любопытнымъ и возбуждающимъ мысль въ его разсказахъ, но еще считаетъ это неважнымъ: «про другое что-нибудь», говоритъ онъ, — «про то, напримѣръ, какъ выросли козаки изъ надалицы, какъ властвовала и интриговала войсковая старшина, т. е. войсковая олигархія, и съ какими выпышками угасало запорожское своевольство — лучше умолчать». Напротивъ, лучше бы авторъ сократилъ свое описаніе церемоній, бывшихъ при современныхъ официальныхъ торжествахъ, да познакомилъ насъ съ тѣмъ, что *ему кажется* мало-важнымъ. Также можно пожалѣть, что авторъ не познакомилъ насъ обстоятельнѣе съ нравами, обычаями прежней домашней жизни, оттѣнками языка и народною поэзіею Черноморскихъ Козаковъ. Въ этомъ отношеніи онъ ограничивается только замѣчаніемъ, что Черноморцы — Малороссіане. И только. Мы мало знаемъ Черноморье, но стоить только проѣхать по этой странѣ, приглядѣться вскользь къ *физіономіи*,

жизнью-бытностью жителей, услышать ихъ говоръ, и тутъ можно видѣть, что у нихъ есть нѣкоторыя особенности, составляющія принадлежность одного только Черноморья, и чуждыя Малороссіи.

О вѣрности сообщаемыхъ г. Попкою фактовъ нѣтъ повода сомнѣваться, когда авторъ — природный Черноморецъ, живетъ въ краю и знакомъ со всею мѣстною жизнью, по собственному опыту. Чтò же касается до вѣрности воззрѣній, то, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, какъ напр. о курганахъ, гдѣ выводы автора произвольны, — въ книгѣ его не видно ни парадоксовъ, ни ошибочныхъ выводовъ; но вообще она и не отличается взглядами, будучи болѣе послѣдовательною цѣпью разсказовъ о разныхъ сторонахъ жизни Черноморья.

Изложеніе книги живо и легко, но страдаетъ подчасъ неумѣстными притязаніями показать автора человѣкомъ ученымъ, пренебрегающимъ ученую форму. Отсюда совсѣмъ не кетати приводятся латинскія выраженія, какъ—будто въ насмѣшку надъ учеными, пишущими по-латынѣ, какихъ, сколько извѣстно, у насъ и нѣтъ.

Изъ этого обзора ясно, что сочиненіе г. Попки любопытно и полезно, пока нѣтъ никакого иного описанія Черноморья; но еще нельзя не пожелать другого сочиненія о краѣ и его населеніи, обратившихъ на себя, въ послѣднее время, особенное вниманіе и правительства и общества.

Н. Костомаровъ.

ГОВОРИЛЪ ЛИ ПОЛУБОТОКЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ РЪЧЬ, ПРИВОДИМУЮ КОНИССКИМЪ?

Исторія Конисскаго, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ немало ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ; обвинять строго за это знаменитаго архипастыря было бы не справедливо. Виногато тутъ больше время и, отчасти, та горячая любовь къ народу, которая руководила Конисскимъ въ его трудѣ. Дѣло нашего времени указать эти ошибки, но указывать ихъ нужно *sine ira et studio*.

Къ такимъ ошибкамъ Конисскаго принадлежитъ, между-прочимъ, и тотъ радужный цвѣтъ, который онъ придалъ личности Павла Полуботка. Онъ приписываетъ ему, какъ извѣстно, такія гражданскія доблести, передъ которыми потомство, по-справедливости, не могло не преклоняться. Теперь открытые историческіе факты показываютъ, что потомство въ этомъ случаѣ введено было въ ошибку. При всемъ своемъ умѣ, — въ послѣднемъ отказать ему нельзя, — Полуботокъ дѣйствовалъ нисколько не лучше современнаго ему папства и позволялъ себѣ такія же насилія, какъ и послѣднее ⁽¹⁾. Со временемъ, вѣроятно, откроется еще болѣе подробностей объ этой сторонѣ нашей общественной жизни, и мы поймемъ, какимъ образомъ нажилъ Полуботокъ тѣ огромныя богатства, списокъ которыхъ сохранился до нашего времени ⁽²⁾.

Разсказывая о заключеніи Полуботка съ товарищами въ Петербургскую крѣпость, въ 1723 г., Конисскій говоритъ, что къ этому наказанію присудилъ ихъ судъ Тайной Канцеляріи и что когда укра-

(1) Записки о Южной Руси, II, 348.

(2) Мы видѣли этотъ замѣчательный списокъ у Гр. Ал. Милорадовича; въ настоящее время онъ, кажется, переданъ имъ О. М. Бодянскому, для напечатанія.

инцамъ объявленъ былъ приговоръ (вѣчное заточеніе и лишеніе имѣній), то Полуботокъ сказалъ при этомъ Петру Великому рѣчь, которую затѣмъ и приводитъ ⁽¹⁾. Извѣстная эта рѣчь и была собственно причиною того ореола, въ которомъ мы привыкли представлять себѣ личность Полуботка. И не мудрено: будь она дѣйствительно сказана послѣднимъ, то въ ней одной явилъ бы онъ замѣчательный подвигъ гражданина. Но дѣло было не такъ; рѣчь эта сочинена, вѣроятно, самимъ Конисскимъ, и на Полуботка возведена тутъ напраслина. Это видно будетъ изъ слѣдующаго разсказа.

Послѣ измѣны Мазепы, участь Гетманщины была рѣшена Петромъ. Представляя собою, нѣкоторымъ образомъ, *status in statu*, она не нравилась ему, конечно, и прежде; теперь же она становилась окончательно опасною. Не будь Карла XII въ то время въ Украинѣ, легко могло случиться, что гетманство Мазепою бы и закончилось; но повернуть такъ круто, при Шведахъ, нельзя было и уничтоженіе Гетманщины отложено до смерти Скоропадскаго. Скоропадскій умеръ. Урядъ гетманскій временно порученъ былъ Полуботку, обще съ Генеральною Старшиною, съ тѣмъ, чтобы они «во всѣхъ дѣлахъ, совѣтахъ и въ разсылкѣ универсаловъ имѣли сношеніе съ бригадиромъ Вельяминовымъ» ⁽²⁾; избраніе же гетмана императоръ отлагалъ до своего возвращенія изъ персидскаго похода. Не дождавшись возвращенія, Полуботокъ, въ январѣ 1723 г., отправилъ въ Петербургъ Грабянку съ товарищами — просить сенатъ объ ускореніи избранія. Просьба эта, разумѣется, осталась безъ отвѣта. Между тѣмъ, Вельяминовъ дерзкимъ своимъ обращеніемъ выводилъ изъ терпѣнія Генеральную Старшину и Полуботокъ послалъ государю жалобу ⁽³⁾. Узнавъ объ этомъ, Вельяминовъ самъ отправился въ Петербургъ и передѣлалъ дѣло такъ, что привезъ оттуда указъ, предписывавшій Полуботку, Чарнышу (генерал. судѣ) и Савичу (генер. писарю) прибыть немедленно въ Петербургъ ⁽⁴⁾. Передъ отъѣздомъ, Полуботокъ отправилъ туда, совершенно некстати, новую челобитную о гетманствѣ. Всѣ эти просьбы

⁽¹⁾ Источникомъ для всего этого разсказа (Исторія Русовъ, 228) послужило, видимо, словесное преданіе, почему онъ и невѣренъ. Ср. Бант. Кам., III, 146.

⁽²⁾ Бант. Каменскій, III, 142.

⁽³⁾ Т. же, примѣч. 204.

⁽⁴⁾ *Черниговская Лѣтопись*, по списку сообщенному намъ Тр. С. Тупицею, который значительно полнѣе противъ напечатаннаго г. Н. Бѣлозерскимъ (Южно-русскія Лѣтописи, 1833).

и жалобы, усложняя собою вопросъ, сильно не нравились Петру; къ нимъ прибавилось еще дѣло объ овцеводствѣ ⁽¹⁾ и Полуботку трудно уже было сдобровать.

5 августа, онъ прибылъ въ Петербургъ и какъ дѣйствовалъ здѣсь, сколько подавъ просьбъ въ разные мѣста, можно видѣть изъ журнала, приводимаго Бантышъ-Каменскимъ ⁽²⁾. Императоръ разгнѣванъ былъ окончательно. Черниговская лѣтопись говоритъ, что «тогожъ часу (какъ поданы были просьбы) наряженъ и посланъ на Украину лейбъ-гвардіи майоръ преображенскаго полку, Александръ Ивановичъ Румянцовъ, для спросу Старшины и чернѣ малороссійской о тѣхъ челобитныхъ—чи всѣ о томъ вѣдаютъ и просятъ *и уже съ того числа видѣли бытъ монарху загниваннаго.*» Царское терпѣніе не исполнялось.

На Украинѣ, въ это время, Апостолъ подбивалъ Старшину послать новую челобитную объ избраніи гетмана ⁽³⁾, кажется, также рассчитывая на булаву, какъ и Полуботокъ. Челобитная была написана, но почему-то Апостолъ отправилъ ее не тотчасъ: послана она была царю только мѣсяца черезъ два, когда не знали что дѣлать и съ Полуботковыми. Этой новой челобитной, заключавшей въ себѣ къ тому жъ *досадные термины* ⁽⁴⁾, было достаточно для вспышки: «прислана изъ Украины», говоритъ черниговская лѣтопись, «отъ полковника миргородскаго Данила Апостола и отъ всего войска малороссійскаго, за подписомъ рукъ всей полковой и сотенной старшины и товариства бунчуковаго и значковаго, другая челобитная, съ Коломаку, чрезъ канцеляриста Ивана Романовича, въ Питербургъ; которое, когда тотъ канцеляристъ подавъ до рукъ самому Императорскому Величеству, зъ церкви св. Троицы ⁽⁵⁾, по службѣ Божой, идучому, поевря 10 числа, такъ заразъ въ кофейный домъ увойшовши ⁽⁶⁾ и вычитавши, и вышедши зъ того дому, *тогожъ моменту изволилъ приказать своими устами генералъ-мазору и гвардіи преображенскаго*

⁽¹⁾ Полн. Собр. Св. Закон., 1724 г., іюня 13.

⁽²⁾ III, 146 и 147.

⁽³⁾ Дневныя записки Якова Марковича, I, 24.

⁽⁴⁾ Т. же.

⁽⁵⁾ Въ Измайловскомъ полку.

⁽⁶⁾ Кофейная находилась близъ церкви; тутъ же, недалеко, на Троицкой пристани, жилъ и Полуботокъ съ товарищами. Кратк. Лѣтоп. Мал. Россіи. изд. В. Рубаномъ 1777 г., стр. 181.

полку мазору Андрею Ивановичу Ушакову, съ великимъ инъвомъ и яростію, взять подъ караулъ полковника Павла Полуботка, судію енералнаго Ивана Черныша, Семена Савича, писаря енералнаго, тамъ же при кофейномъ домъ стоявшихъ, и всѣхъ хто за ими ассистовалъ, отъ которыхъ и отъ всѣхъ отвязавши своими руками шаблѣ, тотъ же енералъ Ушаковъ велѣлъ всѣхъ попроводити въ замокъ мурованій питербургскій» (1). Вотъ разсказъ, если не очевидца, то записанный со словъ его, ясно говорящій, при какихъ обстоятельствахъ арестованъ былъ Полуботокъ. О рѣчи тутъ не могло быть и помину.

Въ другихъ лѣтописяхъ заключеніе Полуботка записано такъ: 1) «Полковникъ Черныговскій съ старшиною енералною самъ треть, позваны въ Петербургъ, гдѣ опослѣ, за дерзостіе запросы, взяты подъ арестъ» (2). 2) «Тогожъ року (1723) зимою, дерзновенными запросами полковникъ Черныговскій Полуботокъ съ товарищи, въ Санктпетербургѣ, прогнѣвили его императорское величество и за то взяты тамъ подъ арестъ» (3). Подъ дерзостными запросами лѣтописцы именно (4) разумѣли здѣсь тѣ челобитныя, которыя поданы были Полуботкомъ въ Петербургъ. Очень можетъ быть, что неточное пониманіе этихъ выраженій и подало Коннесскому поводъ сочинить эту замѣчательную рѣчь, которая должна быть объясняема общимъ

(1) Приводимъ здѣсь и конецъ этого мѣста: «где съ перваго часу порознь были всѣ за карауломъ посажени; потимъ, по 4 чоловика случени, а далѣй знову, недель у килка, поединцемъ розведени. А взято тогда при главной старшинѣ подъ караулъ, въ замокъ, полковниковъ наказныхъ троухъ: 1) Гадяцкаго полкового судію Григорія Грабянку (лѣтотписца), 2) Переяславскаго асаула полкового Ивана Кирпича, 3) Стародубовскаго, Петра Корецкаго, да бунчуковаго товарища Димитрія Володковскаго, канцеляриста войсковой енералной канцеляріи Николая Ханенка, Іосифа Гаврилова, Василя Биковскаго, Стародубовскаго значковаго Стефана Носовича, Черныговскаго значковаго Ивана Римшу, а слугъ всѣхъ на господѣ, гдѣ стояли, подъ караулъ побрано и всѣ пожитки, у кого що было, сукнѣ и денги одобрено, попечатано и на Шафѣровъ дворъ зопроважено.» Далѣе подъ годомъ 1724: «декаврѣ 18 представился въ замокъ питербургскомъ, подъ карауломъ, полковникъ Черныговскій Павелъ Полуботокъ и погребенъ при церкви св. Самсона Страннопрѣимца, за Малою Невою, декаврѣ 29 числа». (У Марковича: «преставился 17 декабря, третей години», I, 61).

(2) Краткая лѣтопись Малороссіи, ркспъ XVIII в.

(3) Краткое описаніе о Малой Россіи, ркспъ XVIII в.

Оба списка находятся у насъ.

(4) Почему-же — именно? Ред.

обычаемъ писателей того времени — при всякомъ удобномъ случаѣ, влагать въ уста своихъ героевъ пышныя рѣчи. Но Конисскій плохо понималъ характеръ Петра, допуская возможность, чтобъ онъ терпѣливо выслушалъ такую рѣчь... ⁽¹⁾

Ал. Лазаревскій.

⁽¹⁾ Считаю не лишнимъ сдѣлать небольшое замѣчаніе по вопросу, разбираемому въ этой статьѣ. Корыстолюбіе, насилія, въ которыхъ, наравнѣ со многими современниками, обвиняется Полуботокъ, сами-по-себѣ не могутъ опровергнуть мнѣнія, записаннаго Конисскимъ, объ его гражданскихъ доблестяхъ. Въ человѣческой природѣ уживаются величайшія противорѣчія, — самыя, по-видимому, противоположныя страсти. Исторія всѣхъ вѣковъ и народовъ представляетъ намъ множество примѣровъ подобныхъ несообразностей; въ повседневномъ быту, мы также очень-часто встречаемъ людей весьма-достойныхъ въ домашней, семейной, жизни, которые вовсе не похожи на себя въ дѣятельности общественной, — и наоборотъ. Мы это говоримъ къ тому, что нравственные недостатки Полуботка не могли бы помѣшать ему смѣло высказать Петру свое мнѣніе о тягостномъ положеніи родины и свои личныя претензіи, если наказный гетьманъ дѣйствительно привязанъ былъ къ отечеству и обладалъ сильнымъ характеромъ. Быть-можетъ Полуботокъ не сказалъ рѣчи въ такомъ видѣ, въ какомъ это записано у Конисскаго; быть-можетъ, Полуботокъ и вовсе не говорилъ *рѣчи*, но онъ объяснялся съ Петромъ, но онъ подавалъ бумаги, въ которыхъ высказывалъ обиды, испытываемыя Украинскимъ народомъ и Старшиною, которые остались вѣрны Царю, несмотря на обольщенія Мазепы и его приближенныхъ, и на обаяніе имени Карла. Намъ не известны подлинныя жалобы, поданныя въ Петербургъ Полуботкомъ, тѣ дерзостныя и дерзновенныя запросы, о которыхъ говорятъ Лѣтописи: быть-можетъ, въ нихъ мы нашли бы тѣ самыя выраженія, которыя приводитъ Конисскій, и обвинили бы его не за содержаніе, а только за *форму* рѣчи, придуманную имъ-самимъ, въ подражаніе древнимъ историкамъ. — Наконецъ, почему не предположить, что Полуботокъ, не вѣрно понимая характеръ Петра и свои отношенія къ нему, *сочинилъ и написалъ* извѣстную рѣчь, но не произнесъ ея?.. Трудно допустить, чтобы Конисскій, рассказывая о такомъ недавнемъ, памятномъ для всѣхъ, событіи, какъ заключеніе Полуботка и прочей старшины, выдумалъ цѣлую рѣчь, ни на чемъ неоснованную. — *Ред.*

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМА г. МАКСИМОВИЧА КЪ г. ПОГОДИНУ О НАРѢЧІИ МАЛОРУССКОМЪ (*).

Горячо сочувствуя вопросу, рѣшаемому г. Максимовичемъ въ толь-
ко-что прочитанныхъ мною письмахъ его къ М. П. Погодину, въ 3-й
книжкѣ Русской Бесѣды, и имѣя намѣреніе высказать свои замѣчанія,

(*) Помѣщаемое ниже письмо автора къ г. Погодину объясняетъ, почему
такъ-поздо является въ печати статья, написанная 4½ года тому назадъ.
Г. Погодинымъ она была передана г. Костомарову, отъ котораго поступила
къ намъ. Помѣщаемъ ее не какъ выраженіе мнѣній редакціи по вопросу о
Южнорусскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возра-
женіе, а можетъ-быть — и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоя-
щее время, когда — съ одной стороны — Великороссы, а съ другой — Поляки —
усматриваютъ въ древней южнорусской письменности начатки своихъ собствен-
ныхъ языковъ и не признаютъ, въ то же время, признаковъ языка мѣстнаго.
Г. Лавровскій весьма часто ссылается на Новгородскія лѣтописи; но вспомнимъ
мнѣніе, высказанное недавно г. Костомаровымъ (*Основа*, январь, стр. 143 и
144), о поразительномъ сродствѣ между новгородской и южнорусской народ-
ностью. — *Ред.*

«Милостивый Государь, Михаилъ Петровичъ!

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1836 года, я имѣлъ удовольствіе послать вамъ письмо,
по прочтеніи доставленныхъ мнѣ кн. Голицынымъ корректурныхъ листовъ пись-
ма вашего къ И. И. Срезневскому, напечатаннаго потомъ въ «Извѣстіяхъ 2-го
отдѣленія Академіи Наукъ».

Въ этомъ письмѣ незначительною долею коснулись вы и моего разсужде-
нія, 1832 года, въ которомъ высказалъ я мнѣніе о несуществованіи на югѣ Ру-
си, въ древнее время, нарѣчія малорусскаго. Возобновляя это мнѣніе, какъ
самый первый его виновникъ, вы, въ упомянутомъ письмѣ къ г. Срезневскому,
сдѣлали и упрекъ на счетъ мой и Измаила Ивановича, что такъ невниматель-
ны мы къ столь важному вопросу и не продолжаемъ своихъ занятій нарѣчіемъ
малорусскимъ.

Упрекъ такой показался мнѣ совершенно несправедливымъ, и въ письмѣ
на ваше имя, въ 1836 году, я считалъ обязанностью высказать, что, во пер-
выхъ, званіе профессора славянскихъ нарѣчій вовсе еще не служить ручатель-
ствомъ въ обработкѣ такого предмета, гдѣ главный матеріалъ разсѣянъ въ мас-
сѣ народнои, на огромномъ пространствѣ, — а средства профессора русскаго
университета едва достаточны, чтобы существовать, а не дѣлать, при всей
задушевной готовности, ежегодныя экскурсіи по городамъ и деревнямъ бли-
жайшихъ и отдаленныхъ губерній. Харьковъ же, мѣсто моей службы, слиш-

не съ цѣлю отстоять себя или задѣть за живое противника, а единственно съ желаніемъ дойти, по возможности, до истиннаго рѣшенія этого вопроса, я позволяю себѣ прежде всего ограничить предметъ для

комъ цивилизованный городъ, чтобы найти хотя какое-нибудь вознагражденіе на его базарахъ и рынкахъ. Во-вторыхъ, тамъ, гдѣ матеріалъ находится подъ рукою, будучи обнародованъ въ печати, профессора не упускаютъ случая пользоваться имъ какъ можно скорѣе, и, въ доказательство, я указалъ вамъ тогда на свою статью, посланную въ концѣ 1853 года въ Петербургъ. Вотъ слова мои въ письмѣ къ вамъ: «эта статья еще въ ноябрѣ прошлаго года была отъправлена въ редакцію журнала министерства народнаго просвѣщенія; быть можетъ, она уже и отпечатана, быть можетъ, вы ее уже и пробѣжали, но какъ я ничего этого не знаю, то и считаю долгомъ выписать изъ нея нѣсколько строкъ заключенія.» Не моя вина, что мои замѣтки о малорусскомъ нарѣчій появились въ печати только черезъ четыре года, въ половинѣ 1859-го. Изъ прилагаемаго теперь вамъ оттиска вы увидите, что еще до прочтенія корректурныхъ листовъ вашего письма къ г. Срезневскому, я, на основаніи данныхъ языка, вывелъ заключеніе о ближайшемъ родствѣ южно-русскаго языка съ южно-словянскими, что нашелъ вполне возможнымъ объяснить продолжительнымъ содѣйствомъ и сожительствомъ южно-русскаго народа съ Сербами и Хорватами въ первобытній ихъ родинѣ, въ Карнатахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ старался подтвердить я и прежнюю свою мысль о несуществованіи на югѣ Руси, до XIII—XIV стол., малорусскаго языка какъ особеннаго отъ великорусскаго.

Между тѣмъ, въ ту пору, какъ статья моя лежала въ неизвѣстности, появились въ Русской Бесѣдѣ и письма къ вамъ г. Максимовича, имѣвшія задачей опровергнуть ваши доводы въ письмѣ къ г. Срезневскому и доказать истинность на югѣ Руси малорусскаго нарѣчія и даже несомнѣнное отраженіе его особенностей въ старинной письменности русской.

Въ отвѣтной статьѣ своей, вы снова упрекнули и Измаила Ивановича и меня въ неучастіи къ вопросу и прямо вызывали насъ на оцѣнку филологическихъ доказательствъ г. Максимовича. Но и въ настоящемъ случаѣ, упрекъ также оказался несправедливымъ. Едва только прочтены были одиннадцать писемъ съ припискою г. Максимовича, какъ уже отвѣтъ мною былъ приготовленъ и тотчасъ же посланъ въ ту же редакцію, въ Петербургъ. Отвѣтная статья ваша появилась въ Харьковѣ мѣсяца черезъ два послѣ этого. Къ немалой досадѣ, и «замѣчанія на письма г. Максимовича» постигла участь нисколько не лучшая, какъ и статью о малорусскомъ нарѣчій. Мнѣ оставалось лишь удивляться нежеланію редакціи возвратитъ мою статью и, въ заключеніе, невозможности пойти ей въ ней, когда явился я самъ лично туда, во время проѣзда черезъ Петербургъ изъ-за границы, въ ноябрѣ 1860 года.

Во время этого проѣзда имѣлъ я удовольствіе посѣтить и васъ въ Москвѣ. На вашъ вопросъ о малорусскомъ вопросѣ, я въ сжатомъ видѣ сообщилъ все, что описываю теперь въ подробностяхъ.

Вы высказали желаніе познакомиться съ моимъ отвѣтомъ г. Максимовичу; съ полною готовностію посылаю его Вамъ и въ томъ неизмѣнномъ видѣ, какъ вышелъ онъ изъ-подъ моей руки 8 декабря 1856 года. Позволяю вамъ распорядиться имъ, какъ найдете вы полезнымъ. 10 генваря, 1861 года. *И. Лавровскій.*

своихъ замѣчаній. Такихъ предметовъ два въ письмахъ г. Максимовича: одинъ составляетъ опроверженіе высказаннаго г. Погодинымъ тождества великорусскаго нарѣчія съ церковнославянскимъ, другой — опроверженіе также тождества сѣвернорусскаго и южнорусскаго нарѣчій въ древнее время, до XIII вѣка, или иначе—опроверженіе мысли, будто малорусскаго нарѣчія вовсе не извѣстно въ древней южной Руси, будто оно появилось въ ней только послѣ погрома Татарскаго, съ запада, съ Карпатъ, съ Волыни и Подолія, вмѣстѣ съ колонизаціею народа на востокъ въ опустошенныя страны. Перваго предмета я не намѣренъ касаться вовсе, признавая въ глазахъ cadaго филолога не сомнѣнно очевиднымъ отличіе нарѣчій церковнославянскаго и древнерусскаго и невозможность отождествленія ихъ; имѣю въ виду лишь второй предметъ, и то одну часть его, именно: отразилось, или нѣтъ, въ письменности русской, въ давнее время, нарѣчіе малорусское, и въ чемъ оно могло положительно и убѣдительно всего высказаться. Расселеніе малороссіянъ съ запада на востокъ оставляю въ сторонѣ.

Г. Погодинъ, повторяя отзывы объ этомъ изъ приводимыхъ имъ изслѣдованій въ письмѣ къ г. Срезневскому, не только согласился съ ними, но и прибавилъ, что и самъ онъ, собственнымъ своимъ чтеніемъ памятниковъ, дошелъ до того убѣжденія, что въ этихъ памятникахъ, хотя писанныхъ и на югѣ, нѣтъ рѣшительно ничего что бы говорило положительно въ пользу нарѣчія малорусскаго. Г. Максимовичъ, считавшій для себя почему-то неумѣстнымъ возражать противъ этой мысли прежде, высказанной еще въ 49 году, быть можетъ, потому, что за мухой не съ обухомъ, за комаромъ не съ топоромъ, въ 56 году, съ обнаруженіемъ письма г. Погодина, прервалъ свое молчаніе и, въ письмахъ съ припиской представилъ свои опроверженія положеній г. Погодина и доказательства противнаго, что малорусское нарѣчіе исконно, что и въ первыхъ произведеніяхъ письменности, хотя и церковнославянской въ основѣ, оно выразило себя отличительными чертами. Вѣроятно, филологи порадовались предѣлу молчанія г. Максимовича по этому вопросу; да и нельзя не порадоваться тому, кто высказываетъ убѣжденія не ради заманчивости новизны, не для краснаго словца, а съ мыслию и желаніемъ добраться до настоящаго толку въ изслѣдуемомъ вопросѣ и уяснить дѣло такъ, какъ оно дѣйствительно было, а не какъ оно могло быть, или какъ намъ бы хотѣлось, чтобъ оно было. Безъ противорѣчія же, безъ опроверженія, достигнуть этого желанія трудно; молчаніе въ подобномъ случаѣ мо—

жетъ скорѣе повредить, давъ собою новую опору стоять за справедливость мнѣнія высказаннаго, иногда быть можетъ и наскоро и безъ глубокаго сознательнаго убѣжденія.

И г. Максимовичъ пятилѣтнимъ молчаніемъ своимъ только остановилъ вопросъ на цѣлыя пять лѣтъ. Радуюсь съ другими разрешившемуся языку г. Максимовича, хотя и не какъ привилегированный филологъ, а какъ живо сочувствующій дѣлу, я съ жаромъ и съ сильнымъ любопытствомъ пробѣждалъ его письма и тутъ же взялся за бумагу и перо, чтобы не дать остыть своему жару и немедленно передать свои замѣчанія.

Скажу прежде всего нѣсколько словъ о способѣ, какимъ, по моему разумѣнію, возможно при настоящемъ вопросѣ доказывать то или другое, существованіе или отсутствіе въ южной Руси нарѣчія малорусскаго въ древнее время. Станнымъ показалось мнѣ, да, думаю, не менѣе страннымъ покажется и другимъ, что г. Максимовичъ, которому въ извѣстности по филологіи, конечно, никто не рѣшится отказать, опровергая своего друга—академика, въ число доказательствъ помѣтилъ и нѣсколько словъ изъ древнихъ южно-русскихъ памятниковъ, какъ исключительно малорусскихъ и, слѣдовательно, своимъ присутствіемъ указывающихъ на существованіе малорусскаго нарѣчія и въ древнее время. Какъ историкъ, г. Погодинъ, естественно, могъ поражаться при чтеніи южной лѣтописи и другихъ произведеній южной древней литературы подборомъ словъ, которыя, тамъ—сямъ, разбросаны *вслѣ* и въ памятникахъ сѣверной литературы и между которыми не отозвалось ни одно чѣмъ-либо, только или по преимуществу, малорусскимъ; въ силу этого впечатлѣнія, онъ счелъ себя въ правѣ, между прочимъ, взять во вниманіе и это обстоятельство,—отсутствіе исключительныхъ словъ малорусскихъ,—какъ подтвержденіе своего положенія о несуществованіи, въ южной Руси, до XIII вѣка, нарѣчія малорусскаго. Но чѣмъ могъ поражаться историкъ, то, въ глазахъ филолога, можетъ не вести иногда ни къ какому результату. Составъ языка, разумѣя подъ этимъ его лексиконъ, въ самобытной основѣ своей, въ корняхъ словянскихъ, есть общее достояніе цѣлаго племени. Поэтому, причислять то или другое, чисто-словянскаго происхожденія, слово одному поколѣнію, нарѣчію, и отнимать его у другихъ или у другаго, для всей исторической жизни языка, уже по одному этому разсужденію, было-бы крайне неосторожно, неосновательно; а, принимая въ соображеніе словари древнихъ памятниковъ по нарѣчіямъ и

областные рѣченія, въ которыхъ тѣмъ внимательнѣе изслѣдываютъ ихъ, тѣмъ больше и больше открывается словъ и древнѣйшихъ и общихъ съ другими родственными нарѣчіями, хотя и забытыхъ въ языкѣ книжномъ, литературномъ,—и несправедливо. Какая можетъ быть порука для филолога утверждать исключительную принадлежность, съ отдаленнѣйшихъ поръ, нарѣчію извѣстнаго слова, несомнѣнно славянскаго происхожденія? Рѣшительно никакой. Но изъ этого основнаго состава, корней, развиваются семьи словъ, для выраженія понятій болѣе частныхъ или ихъ оттѣнковъ, чрезъ приставки, окончанія или сложенія двухъ, трехъ и болѣе словъ; способъ такого развитія представляетъ уже различіе по нарѣчіямъ, которое можетъ и должно-быть принято въ соображеніе для ихъ характеристики. Но основной составъ языка, общій цѣлому племени нѣкогда, не можетъ оставаться навсегда единственнымъ его богатствомъ, со стороны лексической; при самобытномъ развитіи народа, при увеличеніи и усовершенствованіи его понятій, языкъ можетъ легко обойтись безъ заимствованій, какъ это дѣйствительно и бываетъ, работывая изъ основнаго матеріала, посредствомъ свойственныхъ ему способовъ, новыя слова, для выраженія возникшихъ новыхъ понятій.

Но—съ одной стороны, неизмѣннымъ, постояннымъ, самобытнымъ развитіемъ едва-ли можетъ похвалиться какой-либо народъ, не исключая и Китайцевъ, съ другой—и при немъ, въ слѣдствіе близкаго сосѣдства съ иными народами, въ слѣдствіе общенія съ ними, враждебнаго или дружелюбнаго, весьма естественъ переходъ словъ и чужихъ. Такъ и у народовъ славянскихъ могли появиться въ словарѣ рѣченія ипоземцевъ, смотря потому, кто былъ ихъ сосѣдомъ, и въ этомъ отношеніи, при обширной расселенности Славянъ, при разнородности сосѣдей для отдѣльныхъ поколѣній должно было произойти различіе и въ составѣ лексическомъ; могло оно быть на сѣверѣ и югѣ Россіи, въ силу того же различія сосѣдства. Но неужели же филологъ, на этомъ основаніи, рѣшится заключать и о различіи нарѣчій? Неужели же южно-русскій языкъ до XIII—XIV столѣтія должно почитать отличнымъ нарѣчіемъ отъ сѣвернаго, между прочимъ, и потому, что въ немъ попадаются, напримѣръ, слова половецкія, которыхъ нѣтъ на сѣверѣ? Въ такомъ разѣ, придется считать за отдѣльныя нарѣчія и многіе областныя говоры великорусскаго нарѣчія, между которыми также разнообразная народность сосѣдей оставила и различныя слѣды: на востокѣ есть слова неизвѣстныя вовсе на западѣ и въ срединѣ Великой Россіи, и наоборотъ. Нѣтъ, лексиконъ, въ

этомъ случаѣ, не приведетъ ни къ какому результату, доказательствомъ чему да послужатъ намъ доказательства изъ него самого г. Максимовича. Между очевидными въ его глазахъ малорусскими словами приведены: 1) *отпровадить*. Малороссійскому нарѣчію, говорить г. Максимовичъ (стр. 109); исполнѣ свойственны глаголы: *провадити, запровадити, отпровадити, препровадити* и т. д. А потому, если мы читаемъ въ Олеговомъ договорѣ «*допровадимъ* съ куплею ихъ поздорову, — въ Кіевской лѣтописи «*отпровадя* Половци», — въ Волынской лѣтописи «*препровадѣша* рѣку лютую» (1208 г.), то имѣемъ полное право (!!) сказать, что это писано по нарѣчію малороссійскому.» Ежели бы и дѣйствительно на сѣверѣ не нашлось всѣхъ этихъ словъ въ настоящее время, то и тогда не имѣли бы мы не только полного, но и никакого права утверждать, что ихъ не было и въ старину; но относительно приведенныхъ глаголовъ положительно отнимаетъ всякое право на подобный приговоръ господство ихъ нынѣ и въ нарѣчій великорусскомъ. Какъ уроженцу сѣверному, тверскому, привыкшему съ малыхъ лѣтъ и слышать и употреблять иногда самому эти глаголы, для меня изумительнымъ показалось исключительное присвоеніе ихъ нарѣчію малорусскому. Еслибы г. Максимовичъ справился съ академическимъ, 1847 года, словаремъ, не говорю уже объ областномъ, то, навѣрное, удержался-бы отъ такого приговора, увидѣвъ, что *прозаводитъ* и *отпровадитъ*, и такъ далѣе, исполнѣ употребительныя слова на сѣверѣ, даже и не какъ только областныя. Ссылка же на опечатку въ письмѣ г. Погодина, гдѣ вмѣсто *отпровадя* напечатано *отпровода*, какъ на свидѣтельство несвойственности корректору—великороссіянину произношенія *отпровадя*, конечно, г. Максимовичемъ сдѣлана для возбужденія улыбки или въ наставленіе корректорамъ, чтобы впередъ были внимательнѣе къ своему дѣлу; думаемъ, что почтенный филологъ серьезно не станетъ же разсматривать книжныхъ опечатокъ, какъ признаковъ нарѣчій или говора.

2.) «Что же касается до слова *хрестъ*, то малороссійское нарѣчіе постоянно удерживаетъ въ немъ звукъ Х, вмѣсто К: *хрестный, хрещенный, хрещатый, хрещатикъ, хрестины, водохрещи, средохрестная недѣля*. И такъ, если мы въ Кіевской лѣтописи читаемъ: *хрестъ, водохрещи* (тамъ же подъ 1118 г.), *средохрестная недѣля* (подъ 1170 г.), не должны ли мы сказать, что это написано по малороссійски. Въ Кіевской лѣтописи, подъ 1147 годомъ, написано: «отторгоша *хрестъ* на немъ»; то же самое въ суздальской (лав-

рентьевской) лѣтописи переписано такъ: «и отторгоша на немъ *крестъ*.» Хотя здѣсь дѣло идетъ вовсе не о словѣ, которое, какъ извѣстно, принадлежитъ, безъ исключенія, всѣмъ Славянамъ, а о звукѣ *х* вм. *к*; но какъ приведено оно авторомъ писемъ, и приписки, въ числѣ словъ, то мы и не нарушаемъ порядка, и скажемъ только о звукѣ. Какъ въ южной Россіи, такъ точно во всѣхъ частяхъ и сѣверной, русскій народъ въ произношеніи слова *крестъ* и его сложныхъ и производныхъ не употреблялъ и не употребляетъ обыкновенно звука *к*, а постоянно *х*, равно какъ и въ словѣ *кто*. О нынѣшнемъ произношеніи *хрестъ* сѣвернымъ народомъ русскимъ, какъ обыкновеннымъ, считаю излишнимъ и говорить; чтó же до времени древняго, то пусть г. Максимовичъ обратитъ вниманіе на грамоты сѣверно-русскія или другія, отъ XIII столѣтія и позднѣе; въ нихъ увидитъ онъ почти постоянное употребленіе *хрестъ*, а не *крестъ*. Сопоставленіе Кіевской лѣтописи съ Лаврентьевской тоже неумѣстно, въ приведенномъ случаѣ, потому что какъ въ первой далеко не вездѣ пишется *хрестъ*, такъ и въ последней, сравнительно, рѣже читается *крестъ*. Для примѣра въ Кіевской лѣтописи привожу: «и чѣлова Святославъ *крестъ* съ братомъ своимъ Игоремъ, а наутрѣи день чѣловаста Володимерь, Изяславъ съ Игоремъ, и тако яшася вси, рекуще: кто съступитъ *крестъ* цѣлованье, да съ *крестъ* возьметъ (подъ 1142 годомъ; сравн. *крестъ* и *крестецъ*, подъ 1152 год., на страницѣ 72, и множество другихъ); въ Лаврентьевской: *хрестъ* еси ко мнѣ цѣловалъ (подъ 1127 г. сравн. 1037, и множество другихъ). Встрѣчаемое въ Волынской лѣтописи малороссійское слово *господа* (стр. 131) жило, во всей силѣ, въ древнее время и на сѣверѣ, въ чемъ можетъ убѣдиться г. Максимовичъ, справившись въ словаряхъ къ новгородскимъ лѣтописямъ и пробѣжавши хоть двѣ-три грамоты новгородскихъ, въ собраніи Румянцева. Правда, что на сѣверѣ съ этимъ словомъ соединялось нѣсколько другое значеніе; но, вѣдь, и значеніе словъ имѣетъ свою исторію, чего, увѣрены, не отвергаетъ и г. Максимовичъ; забыться же впослѣдствіи оно могло также, если только дѣйствительно всюду забылось, какъ забыли малороссіяне, по свидѣтельству самого же г. Максимовича, слово *хоробрый* (стр. 129.) Въ числѣ словъ малороссійскихъ поставлено и слово *тяну*, *тянути*, въ которомъ великорусское нарѣчіе издревле выпускаетъ звукъ *з*—*тяну*, *тянуть*» (стр. 133). Положеніе о выпускѣ *з* издревле, въ глаголѣ *тянуть*, на сѣверѣ высказано такъ положительно, какъ будто авторъ его намѣренно для этой

особенности перечиталъ всѣ памятники гражданской письменности сѣвера. Такъ—какъ и здѣсь дѣло касается не слова, а формы его, которая можетъ служить характеристикой нарѣчія, то мы и приведемъ нѣкоторые мѣста изъ грамотъ сѣверныхъ, отличающихся вполне народнымъ языкомъ, гдѣ форма *тянути* обыкновенна, и только одна она, а не *тянути*: кто кунецъ, тотъ въ это, а кто смердь, а тотъ *потянетъ* въ свой погостъ (Собр. госуд. грам. и догов. Румянцева, I, № 3, 1270 г.); и что сельцо *тянуло* къ тымъ свободамъ, того всего тобѣ съступитися (тамъ-же, № 6, 1303; сравн. тамъ-же, №№ 7, 8). А кто... къ святому Спасу не *тянетъ* (тамъ-же, № 11, 1307 год.); а кто живетъ въ Новоторьскомъ уѣздѣ... а тѣ потягнуть къ Торжку (там. 1318 г. № 14). И въ лѣтописяхъ новгородскихъ, языкъ которыхъ также постоятъ за свою народность, форма *тянути* единственно употребительна (сравн. словари къ лѣтописямъ новгородскимъ). И такъ, лексиконъ бездоказателенъ и подъ рукою г. Максимовича, какъ ничего не доказываетъ онъ и среди доказательствъ г. Погодина. Оставимъ же его на этотъ разъ въ покой и повторимъ коротко сказанное, что важность лексикона заключается въ опредѣленіи богатства понятій народа, степени сохраненія имъ до позднѣйшаго времени, или забвенія, старины и, наконецъ, степень вліянія на него, намѣреннаго или ненамѣреннаго, чуждой народности; для характеристики же нарѣчій или говоровъ находится другое мѣрило, болѣе вѣрное и скорѣе ведущее къ цѣли—словообразование, звуки и формы въ склоненіи и спряженіи. Я не исключаю и синтаксисъ, потому что и онъ, говоря вообще, одинаковъ у цѣлаго—племени; въ этой одинаковости—то словосочиненія всего нагляднѣе и отражается родственность происхожденія, единство въ устройствѣ духовной природы, отсюда—и въ способѣ мышленія, съ которымъ неразрывно связано и словосочиненіе. Безспорно, что съ теченіемъ времени мы замѣчаемъ немало отличія и въ немъ, по разнымъ поколѣніямъ славянскимъ; но это различіе также легко опредѣлить, какъ и въ словарѣ отчислить слова несвоеобытнаго происхожденія. Труднѣе подчиняется чужеземному вліянію эта сторона языка, болѣе продолжительное требуется время и болѣе усиленное вліяніе для ея измѣненія, чѣмъ для пріема словъ, входящихъ въ народъ часто незамѣтно и невольно; тѣмъ не менѣе не освобождена и она совершенно отъ уклоненія отъ роднаго своего строя. Доказательствомъ могутъ быть нарѣчія лужицкое и чешское, въ синтаксисѣ которыхъ во многомъ отзывается вліяніе

нѣмецкое. Отдѣлите это чужеземное вліяніе, и вы получите ту же свободу въ словорасположеніи, которую владѣетъ весь славянскій народъ, въ силу продолжающагося еще обилія формъ, дающаго полную возможность выражать словами понятія въ порядкѣ ихъ зарожденія въ голо-
вѣ. Тамъ, гдѣ ослабѣли и во многомъ исчезли формы, какъ въ язы-
кахъ западныхъ, почувствовалась, естественно, необходимость и опре-
дѣленнаго порядка въ словорасположеніи, безъ котораго мысль будетъ
темна, потому—что вѣншее выраженіе ея будетъ представляться на-
боромъ словъ, лишенныхъ связи, опредѣляемой такъ отчетливо у Сла-
вянъ обильными формами склоненія и спряженія. Такъ-какъ на сло-
вообразованіи г. Максимовичъ не остановился, указавъ нѣсколько
чертъ въ звукахъ и формахъ этимологическихъ, и какъ мы имѣемъ
въ виду лишь сдѣлать замѣчаніе на его положенія, а не подробно из-
слѣдовать вопросъ, то и обратимся прямо къ его доказательствамъ.
Но и при этомъ нельзя обойтись безъ общаго разсужденія.

Признавая малорусское нарѣчіе и въ древнее время со всѣми тѣ-
ми отличными свойствами, какія отличаютъ его теперь, г. Максимовичъ, значить, вовсе не признаетъ исторіи языка вообще, а съ нею
и исторіи нарѣчій. Въ этомъ случаѣ, онъ впалъ въ противорѣчіе
самъ съ собою, конечно, и не замѣчая этого. Въ самомъ дѣлѣ, раз-
дѣлая вполнѣ мнѣніе Шафарика (см. стр. 87), повторенное и нѣ-
сколько-распространенное въ образцовомъ сочиненіи О. М. Бодянска-
го, что *«чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія славянскія
ближе другъ къ другу»*, хотя, какъ показываетъ исторія и новѣйшія
изслѣдованія, и при всемъ родствѣ и сходствѣ, нарѣчія эти уже
въ историческое время существовали и отличались другъ отъ друга
тѣми же существенными признаками, какими и теперь, спустя слиш-
комъ тысячу лѣтъ,» онъ, т. е. г. Максимовичъ, силясь приурочить
всѣ современныя особенности малорусскаго нарѣчія и древнѣйшему
времени, тѣмъ-самимъ ставитъ его, по отношенію къ другимъ род-
ственнымъ нарѣчіямъ, на ту же степень отдѣльности, на какой нахо-
дится оно и въ настоящую пору и, слѣдовательно, отвергаетъ то,
съ чѣмъ соглашается, будто: *«чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ на-
рѣчія славянскія ближе другъ къ другу.»* Конечно, гг. Шафарикъ и
Бодянскій, равно и всѣ знакомые непосредственно съ источниками
славянской письменности, выводятъ такую мысль изъ историческаго
времени, потому—что для доисторической поры нѣтъ основаній; слѣ-
довательно, и въ историческую пору, хотя и обнаружилось уже

въ первыхъ произведеніяхъ письменности славянской отличіе, все-таки была большая близость нарѣчій, а слѣдовательно, нѣкоторыя черты, составляющія принадлежность нынѣ того или другаго нарѣчія, и не существовала въ XI в., въ противномъ случаѣ, нечего и утверждать большей близости нарѣчій въ-древности. Поэтому, и малорусское нынѣшнее нарѣчіе должно имѣть кое-что и такое, чего не имѣло прежде. Да и странно было-бы настаивать на противномъ. Въ природѣ все подвержено измѣненію, какъ гласитъ мысль старая, избѣтая, хотя и справедливая; какъ же обрекать на неизмѣнность, въ теченіе десяти хоть вѣковъ, языкъ, живой органъ мысли человѣка, которая подвержена такимъ быстрымъ переворотамъ, вслѣдствіе переворотовъ въ самой жизни народа? Но намъ нѣтъ нужды останавливаться на теоріяхъ, когда подъ руками имѣется огромное множество фактовъ. Развѣ за три-четыре вѣка французскій языкъ былъ точно такой же, какимъ говорятъ французы теперь? Развѣ не во многомъ отличается и языкъ нѣмецкій въ средневѣковой письменности отъ современнаго? Зачѣмъ же стѣснять свободу языка славянскаго? Нѣтъ, и онъ не всегда былъ такимъ, какимъ знаетъ его нынѣ 80 милліоновъ его владѣтелей; и хотя существенно отличительныя черты нарѣчій высказались давно, но долго и послѣ этого гораздо болѣе хранилось общаго, чѣмъ теперь. Та же письменность, которая даетъ право на признаніе отдѣльности нарѣчій издавна, доказываетъ и неразвившіяся еще позднѣйшія особенности и сохраненіе многого общаго, погибшаго впоследствии. Возьмите нарѣчіе чешское, судьбу котораго можно прослѣдить съ отдаленныхъ временъ, вслѣдствіе уцѣлѣвшаго длиннаго ряда памятниковъ, и взгляните на него хоть въ XIII столѣтіи. Вы увидите въ немъ и двойственное число, и прошедшее на *ахъ*, и достигаемый видъ, и отсутствіе звуковъ доегласныхъ, напимѣръ, *ои*, немножко повыше въ древность, — несуществованіе и шепелеватаго *р*, увидите и многое другое древнее, въ чемъ легко убѣдиться, пробѣжавши опытъ старочешской грамматики достоуважаемаго Шафарика. Все это, приведенное мною, или не существуетъ теперь вовсе, будучи замѣнено другимъ, или осталось въ видѣ отрывковъ, иногда въ званіи провинціализмовъ; такъ, прошедшее на *ахъ* живетъ въ одномъ словѣ *быхъ* (*bych*); двойственного числа лишь остатки, которые открываютъ и на святой Руси. Потерянъ и *ръ*, явилось и *ои*, и такъ далѣе.

Тоже, и въ то же время, находимъ и въ хорватскомъ нарѣчій, не-

знающемъ нынче также ни прошедшаго на *хъ*, ни двойственного, ни многого другаго. Даже въ польскомъ языкѣ, при всей бѣдности письменности въ-древности, можно отдѣлить нѣсколько свойствъ старинныхъ славянскихъ, между прочимъ и прошедшее на *хъ*, какъ въ псалтырѣ Маргариты, и двойственное, тамъ же и въ позднѣйшихъ памятникахъ языка, въ 15 столѣтіи. Первое употреблялось и въ 16 вѣкѣ, въ словѣ *bych*, послѣднее является довольно часто, и въ 3-хъ формахъ падежныхъ, у писателей польскихъ еще въ XVII вѣкѣ. А между тѣмъ, всѣ эти нарѣчія, въ то же самое время имѣли уже и выражали въ письменности и особенныя свои черты. Напримѣръ, Чешское имѣетъ уже и въ судѣ Любушиномъ: *z* изъ смягченнаго *d*, *s* изъ смягченнаго *t*, и такъ далѣе. Привожу все это съ цѣлю показать, что появившіяся отличительныя свойства нарѣчій не исключаютъ собою и многого, многого общаго въ старину, что потомъ замѣнилось новымъ, сдѣлавшимся иногда тоже отличительнымъ свойствомъ нарѣчія, потому-что каждое изъ нихъ руководилось при замѣнѣ своими условіями.

Такъ было и въ русскомъ языкѣ. И онъ обнаружилъ свои черты, выказавшіяся и въ письменности. И эти-то обнаружившіяся черты дали полное основаніе гг. Шафарику и Бодянскому высказать приведенную выше мысль объ отдѣленіи, наряду съ другими нарѣчіями славянскими, и русскаго. Но ни тотъ, ни другой, безъ-сомнѣнія, вовсе не думали уничтожать въ древнемъ русскомъ языкѣ продолжительнаго храненія нѣкоторыхъ звуковъ и формъ древнихъ, болѣе сближавшихъ тогда нарѣчія славянскія, а потому еще менѣе думали приурочивать древности всѣ нынѣшнія особенности языка русскаго. Теперь мы можемъ ближе подойти и къ главному вопросу, — къ отдѣленію нарѣчій малорусскаго. Отличительныя черты русскаго языка выдѣлились издавна: это безспорно. Письменность, въ которой онѣ и могли только выразиться въ то время, для насъ потомковъ, была на югѣ и сѣверѣ; слѣдовательно, въ южной и сѣверной письменности и должно искать количество и качество этихъ выразившихся чертъ отдѣльныхъ. Значительнѣйшая часть ихъ приведена и г. Максимовичемъ, къ которому и пусть обратятся читатели и прочитаютъ письмо четвертое, хоть до половины страницы 103. Коротко, черты эти слѣдующія: *ж* вм. *жд* церк.-слав., развившееся изъ смягченія *d*; *ч* вм. *ит* или *иц* церковнославянскаго, развившееся изъ смягченія *t*; два *о* и два *е* вмѣсто одного *а* или *ь* послѣ *л* и *р* (глава — голова, млько —

молоко, жребій — жеребій и другіе); о и е вмѣсто древнихъ церковнославянскихъ ѡ и ѣ; у и я вмѣсто древнихъ церковнославянскихъ ѹ и Ѧ; о вмѣсто е, вначалѣ словъ, какъ: осень вмѣсто церковнославянскаго есенъ; несуществованіе удвоенія гласныхъ въ склоненіи прилагательныхъ опредѣленныхъ и въ прошедшемъ несовершенномъ на хъ.

Эти особенности, въ одинаковой степени принадлежащія и понынѣ югу и сѣверу Россіи, слѣдовательно, всему языку русскому, господствуютъ зачастую и въ произведеніяхъ письменности древне-русской, назначаемой для церкви, какъ въ поученіяхъ и проповѣдяхъ; еще болѣе употребительны въ лѣтописяхъ и почти исключительны въ грамотахъ и другихъ актахъ правительственныхъ. Какъ особенности роднаго говора, глубоко издавна укрѣпившіяся въ языкѣ, онѣ попадаются перѣдко и въ спискахъ памятниковъ церковныхъ, появившихся вначалѣ виѣ Россіи и переписанныхъ русскими людьми. Наряду съ ними, попадаются во всѣхъ тѣхъ же произведеніяхъ и замѣна церковнославянскаго ѡ посредствомъ и, и наоборотъ, что указываетъ прямо на древность этого свойства, развитаго понынѣ на югѣ Россіи и присущаго значительной части сѣвера, именно рѣчи новгородской. Не освободились тѣ же памятники, писанные на сѣверѣ, въ области новгородской или новгородцами, и отъ исключительной особенности этой рѣчи, взаимной мѣны звуковъ и и ѣ. Такая мѣна принадлежитъ въ большомъ количествѣ и памятникамъ церковнославянскимъ, начиная съ XI столѣтія. Вотъ—что высказалось въ древнѣйшемъ русскомъ языкѣ своего особеннаго, неотвергаемаго и г. Максимовичемъ. Но, вѣдь, во всемъ этомъ нѣтъ ни одного признака исключительно малороссійскаго; какъ же согласить теперь, съ одной стороны распространенность въ письменности древней, южной и сѣверной, приведенныхъ чистыхъ руссизмовъ и даже, въ послѣдней, новгородизмовъ, и совершенное отсутствіе свойствъ малорусскаго нарѣчія; съ другой—желаніе возвести отдѣльность малорусскаго нарѣчія къ глубокой древности, къ первымъ вѣкамъ Русскаго государства? И вотъ, намъ положительно объявляютъ, что письменность въ древней Россіи была на церковнославянскомъ языкѣ и представляютъ патентъ на основательнѣйшее знаніе сего языка древними Руссами. Какъ можетъ иногда далеко заходить увлеченіе и знатоковъ дѣла, и заставлять ихъ противорѣчить очевиднѣйшимъ фактамъ!—Но остановится на этомъ.

Основаніемъ признавать языкъ древнихъ русскихъ памятниковъ,

во всѣхъ ихъ видахъ, церковнославянскимъ, служить, сколько извѣстно, слѣдующія два обстоятельства: а.) возбужденіе и развитіе образованности русскаго народа въ древнее время подъ непосредственнымъ и преимущественнымъ вліяніемъ христіанства и церкви, вслѣдствіе чего и главная масса произведеній письменности носитъ на себѣ характеръ или чисто-церковный или нравственно-поучительный. Отсюда прямой выводъ—господство принятаго и освященнаго церковью языка и глубокое знакомство съ нимъ людей письменныхъ, грамотныхъ.

б.) Этотъ выводъ, въ прежнее время въ глазахъ всѣхъ, въ настоящее время довольно еще многихъ, находитъ оправданіе и подтвержденіе въ рѣзкомъ различіи современнаго языка русскаго съ тѣмъ, какой встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, слѣдовательно — языкъ послѣднихъ не русскій народный; а какъ въ немъ весьма много общаго съ церковно-славянскимъ, то, значить, онъ и былъ церковнославянскій, какимъ и прилично ему быть въ древности на Руси, въ силу перваго обстоятельства. Неоспоримъ фактъ, что христіанство, а съ нимъ и церковь, въ первую пору господства своего въ русской землѣ, было главнымъ, ежели не единственнымъ, возбужденіемъ и орудіемъ просвѣщенія народа; неоспоримо и то, что древняя наша литература представляетъ факты, относящіеся по преимуществу къ дѣламъ вѣры и церкви; но слѣдуетъ-ли прямо отсюда, что языкъ и тѣхъ памятниковъ литературы, которые обязаны своимъ происхожденіемъ единственно жизни народа, содержаніемъ своимъ прямо взяты изъ нея, и назначены исключительно только для нея,—что языкъ и такихъ памятниковъ долженъ быть непременно церковнославянскій, какъ утверждаетъ г. Максимовичъ (на стр. 88)? Думаемъ, что такое заключеніе не вполне послѣдовательно. Но, быть можетъ, церковнославянскій языкъ былъ до такой степени хорошо знакомъ грамотѣямъ русскимъ, вслѣдствіе глубокаго уваженія къ нему, какъ къ языку вѣры, что писатели и грамотъ, и договоровъ и другихъ актовъ правительственныхъ, не только духовные, но даже и свѣтскіе, предпочитали его языку народному и въ предметахъ жизни обыденной, нерѣдко мелочной? Такое знаніе и утверждаетъ г. Максимовичъ. На страницѣ 121, онъ говоритъ: «да еслибы нашимъ богослужебнымъ языкомъ, при Владимірѣ, сталъ греческій или латинскій, и на нихъ писали бы свободно кіевскіе грамотники XI вѣка, какъ впоследствии кіевляне, Яворскій и Прокоповичъ, можно сказать, играли латинскимъ языкомъ въ своихъ стихотвореніяхъ, свободно пи-

савши и на польскомъ, и на церковнославянскомъ, и на тогдшнемъ русскомъ въ двухъ его видахъ. А съ какою правильностію и отчетливостію писали прежде Нестора, на церковномъ языкѣ, и повгородскій діаконъ Григорій, въ Евангеліи Остромировскомъ (1056 г.), и діаконъ Іоаннъ, вѣроятно, кievскій, въ Изборникѣ Святославовскомъ (1073 г.). Но то были уже записные знатоки и мастера въ языкѣ церковномъ, вѣроятно, изъ Ярославовой школы писцевъ и переводчиковъ.... Чтo діаконъ Григорій и діаконъ Іоаннъ могли знать языкъ церковнославянскій, отвергать трудно, но что они оба не писали, а переписывали по церковно-славянски, — это очевидно, и удивительно, какъ г. Максимовичъ могъ привести ихъ обоихъ въ образецъ записныхъ знатоковъ церковнославянскаго языка, писавшихъ будто на немъ съ особенною правильностію и отчетливостію; да въ такомъ случаѣ, чтo же мѣшаетъ считать записными знатоками русскаго языка и нынѣшнихъ нашихъ писцевъ, хоть изъ школы кантонистовъ, доводящихъ иногда мастерство свое въ каллиграфіи до высокаго совершенства? Вѣдь и Остромирово Евангеліе и Святославовъ Сборникъ суть только русскіе списки съ древнѣйшихъ оригиналовъ церковнославянскихъ и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не должны приводиться въ свидѣтельство отчетливаго знанія церковнаго языка ихъ переписчиковъ. Этимъ вовсе не думаемъ мы отвергать существованіе знатоковъ церковнославянскаго языка въ древней Руси; они были, и обнаружили свои отчетливыя познанія въ немъ, но только не въ перепискѣ, а въ собственныхъ сочиненіяхъ, какъ, напримѣръ, Митрополитъ Іларіонъ, Яковъ Мнихъ, св. Оеодосій печерскій и другіе писатели XI, XII и послѣдующихъ вѣковъ.

Но, вѣдь, подобныхъ лицъ не такъ много; въ каждомъ вѣкѣ ихъ можно считать единицами; ктому же, лица эти все отличены высокимъ саномъ духовнымъ, сочиненія ихъ исключительнаго религіознаго или церковнаго содержанія; а куда же приурочить множество писателей свѣтскихъ сочиненій, правительственныхъ актовъ? Принимая во вниманіе ихъ сочиненія, а этимъ, разумѣется, мы только и должны руководиться, увидимъ, что авторовъ ихъ никакъ не возможно сравнивать ни съ Яворскими, ни съ Прокоповичами.

Да и вообще намъ кажется страннымъ такое сравненіе. И Яворскій и Прокоповичъ и другіе, подобные имъ, являются лицами учеными, получившими образованіе въ высшемъ, въ ихъ время, учебномъ заведеніи, гдѣ преподаваніе какъ языковъ, такъ и другихъ предме-

товъ, шло въ строгой системѣ, въ которой рѣзко уже были отличены всѣ частности, и для языка существовали уже спеціальныя грамматики. Всего этого не было ни въ 11, ни въ 12, ни въ 13 столѣтіяхъ, и писатели церковныя этихъ вѣковъ являются знатоками языка церковнаго вслѣдствіе частаго и внимательнаго чтенія церковныхъ книгъ и основательнаго ихъ изученія.

Факты языка памятниковъ гражданскихъ лучше всего говорятъ противъ предложеннаго г. Максимовичемъ сравненія. Всѣ приведенныя выше особенности русскаго языка являются въ нихъ не какъ обмолвки, не какъ что-то случайное, а какъ вполне обыкновенныя свойства тогдашняго языка письменнаго, какъ необходимыя, и потому являются постоянно и неизмѣнно. Ни Димитрій ростовскій, ни ему современныя писатели на церковнославянскомъ языкѣ, ни послѣдующіе, хоть и въ наши годы, не употребляли и не употребляютъ этихъ особенностей, не ставили и не ставятъ *жс* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *щ*; не встрѣчаемъ у нихъ и русскаго полногласія и замѣны буквою *о* буквы *е*, тѣмъ менѣе смѣшенія *ь* и *и*, или какого либо свойства говора областного. Кажется, ясно, что древніе писатели свѣтскихъ произведеній нейдутъ въ уровень съ учеными писателями по церковно-славянски 17—19 столѣтій, и съ точки зрѣнія послѣднихъ можно прямо утверждать, что первые плохо знали церковный языкъ, ежели только допустить, что они писали по церковно-славянски. Но допуская это, невольно приходишь въ недоумѣніе, почему нетвердость знанія церковнославянскаго языка у писателей грамотъ и договоровъ выражалась исключительно лишь въ приведенныхъ чистыхъ руссизмахъ, и притомъ такъ послѣдовательно и постоянно? Почему они, какъ-будто по условію, по соглашенію, рѣшались нарушать чистоту церковнаго языка въ пользу народнаго единственно въ этихъ случаяхъ и не касались другаго? Какъ угодно, а безпристрастное рѣшеніе этого вопроса можетъ вести, полагаемъ, къ одному только отвѣту, что этого другаго и не зачѣмъ было измѣнять, потому что оно употреблялось еще въ устахъ народа, было такимъ же руссизмомъ, какъ *жс* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *щ*, и тому подобное, жило, слѣдовательно, и двойственное число и прошедшее на *хъ*, и отличіе для всѣхъ надежей прилагательныхъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ, и смягченіе гортанныхъ звуковъ въ свистящіе и шипящіе, въ склоненіи, и тому подобное. Все это мы и встрѣчаемъ въ древнихъ грамотахъ, и сѣвера и юга, наряду съ отличительными

чертами древняго языка русскаго и со всѣми пріемами языка живаго, народнаго. Да и что же мѣшаетъ принимать это?

Несуществованіе въ современномъ русскомъ языкѣ этихъ формъ, сказали мы выше, служить оправданіемъ, для нѣкоторыхъ, мысли, что эти формы и въ древности не свои, чужія, попавшіяся въ письменность русскую изъ языка церковнаго. Не говоря уже о томъ, что такое оправданіе противорѣчитъ вообще необходимости развитія, а слѣдовательно и измѣненія языка, оно противорѣчитъ и очевиднымъ фактамъ исторіи другихъ родственныхъ нарѣчій. Неужели же и Чехи, въ своей богатой древней письменности, и Хорваты, даже и Поляки употребляли языкъ церковнославянскій? Но вѣдь они съ отдаленнѣйшихъ временъ были католиками; а между тѣмъ и ихъ современный языкъ нисколько не менѣе, если не болѣе еще, ушелъ отъ того языка, какой находимъ мы въ ихъ древнихъ памятникахъ: и ни одинъ ученый чешскій, хорватскій или польскій не думаетъ считать формъ своего древняго языка, общихъ съ церковнославянскими, погибшихъ въ нынѣшнемъ, за чужія, церковнославянскія. Ктому же, такія формы не исчезли еще и въ жизни нѣкоторыхъ нарѣчій славянскихъ, господствуя вполне и въ письменности ихъ древней, напримѣръ: въ хорутанскомъ, лужицкомъ, отчасти сербскомъ и болгарскомъ. За что же одинъ русскій языкъ приходится осуждать на застой и на потерю всего древняго въ неопредѣленную доисторическую пору? Неужели за то, что народъ русскій имѣлъ и имѣетъ счастье слушать свое богослуженіе и читать св. писаніе и другія церковныя книги на богатомъ языкѣ церковнославянскомъ? Но, во-первыхъ, то же самое было и у другихъ Славянъ, и однакоже о ихъ языкѣ такъ—безусловно никогда не высказывалось такого приговора; во-вторыхъ, языкъ церковный все-таки языкъ неподвижный, мертвый, тогда—какъ языкъ письменный въ древней Руси обнаруживаетъ всѣ признаки жизни, а съ нею и неразлучныя перемѣны. Эти перемѣны самымъ яркимъ образомъ выразились въ *последовательности* и *правильности* употребленія древнихъ формъ въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности и въ *непоследовательности* и *неправильности* ихъ въ памятникахъ, сравнительно, позднѣйшихъ, какъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Церковнославянскій языкъ оставался тотъ же; откуда же это различіе въ письменности русской, ежели въ ней господствовалъ языкъ церковнославянскій? Зачѣмъ въ XII и XIII вѣкахъ не встрѣчаемъ, напримѣръ, ошибокъ относительно прошедшихъ на *хъ*, или двой-

ственного числа, какъ въ склоненіи, такъ и въ спряженіи, тогда—какъ въ послѣдующее время находимъ нерѣдко окончаніе *хъ* отнесеннымъ ко 2-му или 3-му лицу, и неумѣстное употребленіе числа двойственного? Не забудемъ при этомъ, что, при древней правильности этихъ формъ, мы замѣчаемъ постоянство и въ такъ-называемыхъ руссизмахъ, зачастую уже обращенныхъ въ церковно-славянизмы при позднѣйшей ихъ неправильности. Оттого, скажемъ съ увѣренностію, что въ древнее время, формы эти господствовали въ живомъ языкѣ и удерживали писателя отъ ошибокъ, и оттого, съ другой стороны, являются погрѣшности въ нихъ, въ позднѣйшую пору, — что забылись они тогда въ жизни языка и попадались подъ перо изъ подражанія старой письменности. А какъ эта старая письменность, по близости къ языку церковному, въ глазахъ писателей XIV, XV и послѣдующихъ вѣковъ принималась съ нимъ за тождественную, то и изъ подражанія церковному языку, наряду съ неправильнымъ употребленіемъ древнихъ формъ, стали нерѣдко замѣняться и чистыя руссизмы церковно-славянизмами, какъ *жд* вмѣсто *ж*, *щ* вмѣсто *ч*, одно *а* или *ь* вмѣсто двухъ *о* или *е*, и тому под. Да и возможно—ли, при такой отдѣльности русскаго языка отъ церковнославянскаго въ-древности, какая существуетъ нынѣ, не высказаться и другимъ его особенностямъ въ древнѣйшей письменности, кромѣ численныхъ выше руссизмовъ? Факты рѣшительно противорѣчатъ этому положительно для древности и отрицательно для позднѣйшаго времени. Дѣйствительно, ежели при перепискѣ церковнославянскихъ памятниковъ, при перепискѣ иногда необыкновенно-тщательной, весьма медленной, подъ перомъ записныхъ знатоковъ языка церковнаго, какъ дьякона Григорія и дьяка Іоанна, прорываются руссизмы, какъ: *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *шт*, или *щ*, два *е* вмѣсто *ь* (въ Изборникѣ—*вередъ*, *вередити*), при перепискѣ же болѣе быстрой, менѣе внимательной являются довольно часто и другія особенности, даже областного говора, какъ взаимная мѣна *ь* и *и*, *щ* и *ч*, то какъ же возможно допустить, чтобы, тамъ—сямъ, не обнаружили всѣ свойства народнаго языка подъ перомъ людей свѣтскихъ, въ сочиненіяхъ относящихся къ быту житейскому и для него назначеннымъ? Но, кромѣ численныхъ особенностей древнѣйшаго русскаго языка, въ нихъ не находимъ другаго ни изъ нынѣшнихъ сѣверныхъ говоровъ русскихъ, ни изъ малорусскаго нынѣшняго нарѣчія. Значить, ихъ или не было вовсе, или онѣ не успѣли еще вполне развиться и замѣнить собою

жившихъ еще свойствъ древнихъ. Когда же это развитіе совершилось, когда древнее окончательно смѣнилось новымъ,—это новое не только уже въ произведеніяхъ на языкѣ народномъ, но и при намѣренной подражательности языку церковному, стало пробиваться со всею силою въ письменности. Такъ, на сѣверѣ, начало употребляться причастіе на *лѣ*, въ смыслѣ прошедшаго изъявительнаго склоненія; *тѣ* въ 3-мъ лицѣ настоящаго времени, единственнаго и множественнаго чиселъ; множественное число вмѣсто двойственнаго; пропала переходная смягченность звуковъ гортанныхъ, и такъ далѣе. Такъ и на югѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми чертами сѣверными, явились и свои особенныя, какъ, напримѣръ: окончаніе *мо*, въ первомъ лицѣ множественнаго числа; измѣненіе *іе* или *ѣе*, въ окончаніи именъ существительныхъ, послѣ согласныхъ *л*, *н*, *т* и др., въ *я*; смѣшеніе *вѣ*, и *и*; обращеніе *о* въ *и*; употребленіе *з* вмѣсто *с*, въ предлогѣ *съ*, и другія; хотя сохранилось нѣчто и изъ древняго, потеряннаго на сѣверѣ. Г. Максимовичъ, утверждая, что въ древности писалось все на Руси по церковно-славянски, доказываетъ возможность устранить особенности народного говора писцамъ сравненіемъ съ сочиненіями XVI-XVII вѣковъ, писанными тоже по церковно-славянски, гдѣ однакожь также, по его убѣжденію, нѣтъ обмолвокъ въ пользу народныхъ особенностей. Съ этого цѣлю, онъ выписываетъ *семь* строкъ изъ Густинской лѣтописи, подъ 1516 годомъ, писанной малороссіяниномъ, и заключаетъ: «много-ли тутъ малороссійскій лѣтописатель, въ самый разгаръ козачины, оборонилъ изъ своего нарѣчія?... Слово *межи*, вмѣсто церковнаго *между*?... «Но во-первыхъ, и на *семи* строкахъ не одно слово *межи* взято изъ народного языка; къ очевиднымъ признакамъ послѣдняго относятся: *нашой* вмѣсто *нашей* (*вѣ землѣ нашой*), *выше* вмѣсто *свыше*, *изыйде* вмѣсто *изиде* (сравни. млр. *ишелъ*, *прійшелъ*), обычаи *пріятпійшыи* вм. обычаи *пріятныйшіе*, (во что, не знаемъ почему, и обращено первое чтеніе подлинника въ выпискѣ г. Максимовича); во-вторыхъ, въ такомъ дѣлѣ *семи* строкъ крайне недостаточно: въ русскихъ спискахъ церковнославянскихъ памятниковъ перѣдко и *семь* листовъ пергаменныхъ не представляютъ ни одной обмолвки перепищика, въ пользу древнѣйшихъ руссизмовъ, неотвергаемыхъ г. Максимовичемъ; и, однако, онъ не уеуменьшился считать перепищика русскимъ человѣкомъ, если хоть на 8-мъ или 9-мъ листѣ, или на какомъ бы то ни было, встрѣтитъ *жс* вм. *жд*, или два *о* вм. *а*; а здѣсь и не на листѣ, а на полустр-

ницѣ, на протяженіи 20 строкъ, изъ которыхъ семь выписаны въ пятомъ письмѣ г. Максимовича, кромѣ указанныхъ признаковъ малорусскаго нарѣчія, читаемъ: *хотя миру зъ Москвою, да его зъ княземъ помирить; изъ земель; чотырохъ*, вмѣстѣ съ польскимъ предлогомъ *презъ*. И какъ же такой языкъ могъ показаться чистымъ церковнославянскимъ г. Максимовичу, будто, кромѣ *межи*, не включившимъ въ себя ничего малорусскаго? и какъ же, послѣ этого, мы не будемъ считать себя въ правѣ утверждать, что съ той поры, какъ появились новыя черты въ языкѣ, онѣ высказывались и въ письменности точно также, какъ высказывались постоянно въ древности древнѣйшія особенности языка русскаго. Какъ трудно было малороссіянину, составителю Густинской лѣтописи, удержаться отъ особенностей своего говора, очевидное всего свидѣлствуетъ начало лѣтописи, гдѣ онъ былъ лишь переписчикомъ изъ древнихъ списковъ и гдѣ, при всемъ этомъ, находимъ: *зъ родомъ своимъ, зрубивъ городъ, здумавше, мають* (см. стр. 234), хотя, съ другой стороны, встрѣчаемъ и поправки древней лѣтописи, въ пользу языка церковнославянскаго, какъ: *бранилъ* ихъ, вм. *боронилъ*, *между* вм. *межу* и т. п. (тамъ же, 235). То же самое видимъ и у другихъ малорусскихъ лѣтописцевъ, положившихъ, въ основаніе своей лѣтописи, также языкъ церковнославянскій. Стоитъ только прочесть хоть одну страницу лѣтописи, напр., Грабянки, чтобы разомъ опредѣлить всю силу вліянія языка народнаго. Предоставляя на произволъ самому г. Максимовичу избрать *любую* страницу, я, съ своей стороны, приведу лишь нѣсколько строкъ, въ доказательство того, что этотъ лѣтописецъ 17 столѣтія имѣлъ рѣшительное намѣреніе писать по-церковнославянски, и затѣмъ коротко укажу на факты нарѣчія малороссійскаго. Вотъ 16 строкъ предувѣдомленія (см. лѣтопись Грабянки, Кіевъ, 1853, стр. 1.): «начинаюшу ми повѣсть о дѣйствіяхъ и бранехъ козацкихъ, аще и не весма требѣ баше о праотцехъ народа того Козарехъ *предмовою* широко возвѣстити, обаче принужденъ для *лутшого* разумѣнія пространнѣе сказати, откуда Козаки имѣють свое проимѣнованіе, отъ котораго племени и *языка*, и яко ихъ Козаковъ праотцы, Козари, отъ времени праотца своего Гомера, внука Ноева, преходя *кочовисками* и отъ странъ до *страни*, подобіемъ *Колмиковъ*, премѣнялися въ розніе родства и *языки* и превошедше въ силу, составили были своя царства, и яко по оскудѣніи отъ браней премѣнялися съ Козаровъ въ Козаки, о всемъ томъ *нижеи предмова по раду*

(по гзadu) скаже, аще чтущій не стужая о пространствѣ ея, въ чтеніи потрудится, она бо желаніе подаеъ, и до внятія словесъ умъ змугаетъ.» Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ находимъ четыре случая замѣны *ы* посредствомъ *и*, какъ слѣдствіе смѣшенія обоихъ звуковъ, разъ перемѣну *с* на *з*; разъ окончаніе *й* въ нарѣчіе сравнительной степени; разъ потерю *тѣ* въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа, однажды употребленіе *о* вм. *е*, послѣ *и*; вмѣстѣ съ этимъ, и два польскихъ слова: *предмовою* и *кочовисками*. Всѣ эти особенности разбѣяны въ огромнѣйшей массѣ въ лѣтописи, такъ что считаю лишнимъ и приводить ихъ, ограничась указаніемъ другихъ особенностей нарѣчія малорусскаго. Въ числѣ ихъ находимъ: *зѣ словяни*, *зо-стаеъ* (стр. 7), *щастя* и *щасте* (стр. 8 и 65), *двохъ*, *двома* (стр. 261, 289); или въ лѣтописи Боболінскаго, изданной вмѣстѣ съ первою: *илинскимъ* (вм. Ильнскимъ, отъ Илья, по малороссійски Илла), *осотвореню*, *чого* (стр. 273), *пріймовалъ* (277), *прійшолъ* (283), *до килка тисяцій* (274), *абы ему тилко далъ*: послѣднія свойства особенно важны; вотъ какъ отзывается о нихъ г. Максимовичъ, въ 1-мъ письмѣ, г. Погодину: «можетъ быть, въ лѣтописи Кіевской ты думалъ видѣть такія особенности малорусскаго нарѣчія, какъ, напримѣръ, обращеніе гласныхъ звуковъ въ тонкое *и*: *кѡнь*—*кинъ*, *пѡжъ*—*нижъ*, и т. под. Но этотъ выговоръ не есть повсемѣстный въ южно-русскомъ языкѣ и грамотные малороссіане, до исхода прошлаго столѣтія, не вводили въ свое правописаніе такихъ особенностей, писали: *конь*, *пожъ*.» Вполнѣ вѣримъ г. Максимовичу, что обращеніе *о* въ *и* не повсемѣстно; но тамъ, гдѣ оно существовало, отражалось въ письменности и раньше исхода прошлаго столѣтія, чему доказательствомъ служатъ приведенныя формы: *килко* и *тилко*; а въ Галицкой Руси оно замѣтно и въ началѣ 15 столѣтія.

Такъ, въ Межевой записи 1424 года, напечатанной въ Русалкѣ Дибетровой, изданной у Будиму, 1837 года, на стр. 121, читаемъ: «а имають пана Юрковського люді изъ острова нисьюшковецъ имають *дрыга* рубати, але не паствіті, ані свінеі оупоущаті оу лѣбъ.» (1) По указанію самого г. Максимовича, мы взглянули на церковнославянскій

(1) Отношеніе, въ этомъ случаѣ, *ы* къ *и* объяснено въ статьѣ: «обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго;» см. Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія, № 6, 1839 года, стр. 9—10.

языкъ лѣтописцевъ малорусскихъ, XVI—XVII вѣковъ, и, вопреки его утверженію, нашли въ немъ довольно много, и притомъ рѣзкихъ, признаковъ нарѣчія малорусскаго.

Скажемъ теперь, что значительная часть этихъ признаковъ выказалась гораздо прежде въ письменности южнорусской, начиная съ конца 14 столѣтія, и чѣмъ позже, тѣмъ количество ихъ больше и больше. Такъ, въ концѣ грамоты Луцкаго епископа Іоанна польскому королю Владиславу, 1398 года, читаемъ: «у лѣта нароженця Сына Божія *тысяча и триста девяносто осмого лѣта*» (акты относ. къ исторіи западной Россіи I, № 12); въ присяжной грамотѣ Стародубскаго князя Александра Патрикѣвича тому же королю польскому 1400 года: *тысяча лѣтъ и чотыриста лѣтъ* (тамъ-же, № 17); въ записи о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, 1415 года: у *Святошичохъ* у *Ньжисловичохъ*, у *Сельци зъ Межирѣцкой земли*, у *Нороди чохъ*, *чотырьядное*, зъ *Романова*, зъ *Дьдзьковыщны* (тамъ же, № 26); въ грамотѣ подъ 1421 годомъ: *мають* (тамъ же, № 30); подъ 1422 годомъ: *приводимо*, *ниинишии* (тамъ же, № 31); подъ 1424 годомъ: *знаемо*, зъ *Божьей милости* (тамъ же, № 32); въ грамотѣ 1429 года: *есмо*, зъ *спницю* (тамъ же, № 34) и т. д. Въ Мѣновой записи старосты луцкаго Петра Яновича (см. памятники, изданные временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1845, отдѣлъ второй. стр. 1—2), 1490 года, находимъ также: зъ *митрополитовымъ*, зъ *ларисоніомъ*, зъ *монастирю*, и *зставы и зводами*, *ктому имени* и др.—Вотъ какъ высказывались особенности малорусскаго нарѣчія, коль скоро появились онѣ въ жизни. Гдѣ же хоть одна изъ этихъ особенностей встрѣтилась г. Максимовичу, въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, до XIV столѣтія? А, вѣдь, и въ нихъ, какъ нами замѣчено, черты русскаго языка господствуютъ, даже несравненно постояннѣе, чѣмъ въ церковнославянскихъ малорусскихъ лѣтописяхъ XVI—XVII столѣтій, зачастую измѣняющихъ, вопреки обыкновенію лѣтописей древнихъ, *ж* въ *жд*, *г* въ *ц*, два *о* въ *а*, въ чемъ можетъ убѣдиться г. Максимовичъ, пробѣжавъ хоть одну изъ первыхъ страницъ лѣтописи Густинской, или любую страницу въ лѣтописи Грабянки. И такъ, положа руку на сердце, безпристрастно, безъ увлеченія мы смѣло можемъ повторить, ровно за четыре года, высказанное положеніе, что древній русскій языкъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства, до XIV столѣтія, не обнаруживаетъ рѣшительно того раздѣленія на два нарѣчія, великорус-

ское и малорусское, какое встрѣчаемъ мы въ послѣдствіи и въ настоящее время. Это положеніе, по глубокому нашему убѣжденію, опирается на самыхъ прочныхъ основаніяхъ, во 1) на рѣшительномъ отсутствіи исключительныхъ малороссизмовъ во всей древней письменности русской, южной и сѣверной, во 2) на невозможности не высказаться особенностямъ народнаго языка даже и при предположеніи, что эта письменность была церковнославянская, что положительно доказывается, въ 3) постояннымъ господствомъ въ этой письменности отличительныхъ чертъ языка общерусскаго и областныхъ особенностей рѣчи новгородской, въ 4) позднѣйшею письменностію, съ XIV вѣка, гдѣ при очевидномъ церковнославянизмѣ языка, во множествѣ разсѣяны отличительныя свойства малорусскаго нарѣчія на югѣ, какъ великорусскаго на сѣверѣ; въ 5) наконецъ, на неопровержимомъ фактѣ близости всѣхъ нарѣчій славянскихъ другъ къ другу, до XIII — XIV столѣтій, что, ни мало не противорѣча развитію нѣкоторыхъ особенныхъ чертъ въ каждомъ, прямо противорѣчитъ господству въ то время всѣхъ нынѣшнихъ особенностей.

Послѣ этого общаго разсужденія, скрѣпленнаго, впрочемъ, необходимыми фактами, можно бѣгло взглянуть и на частности, предлагаемыя г. Максимовичемъ, кромѣ, конечно, отдѣльныхъ словъ, признаваемыхъ имъ за чисто-малороссійскія, о чемъ говорено уже нами выше. Въ письмѣ потомъ, на стр. 108, по случаю правописанія въ лѣтописи: Половци, авторъ говоритъ, что это чисто по-малороссійски, потому что господствующій великороссійскій выговоръ требуетъ послѣ *ц* дебелыхъ гласныхъ, тогда какъ малороссійскій въ концѣ словъ непременно тонкихъ: *ь, я, ю*. Но господствующій нынѣ выговоръ не можетъ быть порукою въ такомъ сочетаніи звуковъ *ц* за 500, 600 и болѣе лѣтъ; а что, дѣйствительно, и на сѣверѣ Россіи, въ древности, подобное сочетаніе было обыкновенно, доказываетъ положительно гражданская письменность новгородская, въ которой точно также господствуютъ слоги: *ци, цю, ця* ⁽¹⁾; да и нынѣ еще не всюду исчезло это свойство, составляя принадлежность говора новгородскаго (см. статьи Даля: опытъ областного великорусскаго словаря, стр. 38. Вѣстникъ географическаго общества, за 1852 годъ, книжка V, въ отдѣлѣ библи-

(1) Какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и прежде, при ссылкахъ на древніе памятники русскіе, я находилъ лишнимъ приводить примѣры, потому что въ значительномъ количествѣ на каждую особенность приведены они прежде, въ сочиненіи «о языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей.»

ографіи), и притомъ не въ концѣ только словъ, но и въ срединѣ, что погнбло уже и въ нарѣчіи малорусскомъ, какъ исчезло подобное же сочетаніе съ тонкими гласными, употребительное въ древности, звуковъ *и* и *ш*. Такимъ образомъ, это свойство нарѣчія малорусскаго современнаго есть точно такой же отрывочный остатокъ общерусскаго древняго языка, какъ и смягченіе гортанныхъ передъ *и*. По поводу разсматриваемыхъ словъ въ лѣтописи: *на порозь, по дорозь*, г. Максимовичъ (на стр. 116), на слѣдующій вопросъ г. Погодина: если малороссійское нарѣчіе жило на Днѣпрѣ, то зачѣмъ нѣтъ его слѣдовъ въ лѣтописяхъ, — отвѣчаетъ такимъ восклицаніемъ: «Какихъ тебѣ еще слѣдовъ, какъ эти чисто малороссійскія формы: *на порозь, по дорозь*.» Нѣтъ, онѣ настолько же въ древности южнорусскія, насколько и сѣверно-русскія, — это доказываетъ та же сѣверная свѣтская письменность, со всеми отличительными чертами древняго русскаго языка и съ постоянно-правильнымъ употребленіемъ смягченности гортанныхъ въ свистящія передъ *и* и *ь*. Даже и теперь, въ народныхъ пѣсняхъ, хоть, правда, и чрезвычайно рѣдко, въ пѣсняхъ самыхъ разгульных, слышатся остатки этой общей древней смягченности, о чемъ мы и имѣли случай сказать, въ приведенномъ выше сочиненіи. Подобныя формы не суть только церковнославянскія и русскія, но, въ древности, общеславянскія, кромѣ, разумѣется, русскаго полногласія упомянутыхъ выше словъ; но и въ другихъ нарѣчіяхъ славянскихъ, не смотря на древнее господство смягченности гортанныхъ, эта смягченность нынѣ или осталась только въ отрывкахъ, касаясь одного звука гортаннаго, или забылась вовсе также, какъ забыли и сѣверные русскіе. Тутъ нельзя не замѣтить нѣкотораго противорѣчія въ основаніяхъ г. Максимовича; онъ, напр., охотно допускаетъ исторію лексической части языка и, находя въ лѣтописи слова: *хоробрый, въверица, сапогъ* и др., несуществующія въ нынѣшнемъ нарѣчіи малорусскомъ, рѣшительно объявляетъ, что они были прежде, но теперь забылись (срв. стр. 123—130); между тѣмъ, никакъ не соглашается допустить измѣненіе звуковъ въ жизни языка, тогда какъ послѣдніе болѣе, чѣмъ что либо другое, подвержены непостоянству и превращеніямъ. — Относительно окончаній *шетъ* и *хуть*, въ 3-мъ лицѣ единственнаго и множественнаго чиселъ прошедшаго времени, господствующихъ въ письменности древне-русской, г. Максимовичъ, повторяя свое мнѣніе, изложенное нѣкогда въ Исторіи Древней Русской Словесности, выразился въ письмѣ восьмомъ, на стр. 123, слѣдующимъ образомъ: «эта глагольная форма есть церковносла-

вянская, съ окончаніемъ *ху* (въ единственномъ числѣ *ше*), которому наши кievскіе писатели XI вѣка придавали свой привычный глагольный прибавокъ 3-го лица *тъ*; а въ XII-мъ вѣкѣ эта форма была въ ходу и у сѣверной Руси (съ тою разницею, что тамъ писали *тъ* и *тѣ*).» Во-первыхъ, намъ кажется страннымъ, какимъ образомъ можно взять цѣлую форму изъ языка мертвого для мертвого же языка (потому-что г. Максимовичъ считаетъ письменный древне-русскій языкъ вообще церковнославянскимъ) и измѣнить ее приставкою новаго окончанія, неизвѣстнаго рѣшительно въ источникѣ, откуда взята эта форма: ни г. Максимовичъ, ни другой кто не представитъ, навѣрное, ни одного примѣра такого безцѣльнаго измѣненія заимствованной формы не только въ нарѣчіяхъ славянскихъ, но и въ другихъ языкахъ. Придавали русскіе писатели окончаніямъ *ше* и *ху* свой привычный глагольный прибавокъ 3-го лица *тъ*; но нарѣчіе церковнославянское, какъ извѣстно г. Максимовичу, нисколько не менѣе имѣло и имѣетъ донинѣ привычку прибавлять *тъ* въ третьихъ лицахъ настоящаго и будущаго временъ, и, однако, при *ше* и *ху* не прибавляло и не прибавляетъ его; зачѣмъ же понадобилось *тъ* русскимъ писателямъ, писавшимъ по-церковнославянски, особенно южнорусскимъ, когда въ ихъ нарѣчій, ежели оно было, по теоріи г. Максимовича, нынѣшнее малороссійское *тъ* не только не было привычнымъ прибавкомъ, а напротивъ, было непривычнымъ, и отбрасывается болѣею частію и нынѣ въ настоящемъ времени. Притомъ, почему же прибавка сочтена была необходимою лишь при *ше* и *ху* и опущена при коренныхъ гласныхъ, оканчивавшихъ 3-е лице прошедшаго совершеннаго, какъ: *имѣ*, *чита* и т. под., еще болѣе при *ша* (церк.-слав. *ша*), въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа: для послѣдовательности привычнаго *тъ* слѣдовало бы непременно ожидать ея и здѣсь. Что-то не такъ. Во-вторыхъ, или формы *шесть* и *хуть* составились такъ условно, внѣ жизни въ народѣ, подъ перомъ древѣйшихъ писателей русскихъ, въ сочиненіяхъ оригинальныхъ русскихъ; то какъ же объяснить ихъ въ памятникахъ церковнославянскихъ, писанныхъ русскими переписчиками, въ XI вѣкѣ, слѣдовательно, въ первое время, когда только-что эта письменность появилась въ Россіи. Вѣдь для того, чтобы заимствовать форму, измѣнить ее и сдѣлать общераспространенною, хоть въ письменности, необходимо достаточное время; а между тѣмъ, *асть* и *хуть* являются въ первыхъ русскихъ спискахъ съ старо-славянскихъ оригиналовъ, которые только-что успѣли познакомить Русскихъ съ языкомъ церковнославянскимъ. Еще болѣе

что-то не такъ. Въ-третьихъ, положительно невѣрно, будто сѣверные Рускіе только съ XII столѣтія переняли съ юга формы *шетъ* и *хуть*.

Мы имѣемъ несомнѣнно русскіе списки XI вѣка новгородскихъ переписчиковъ, что очевидно опредѣляется взаимною мѣною *ч* и *ц*, въ которыхъ весьма часто попадаетъ приставка *тъ*; привожу пока въ доказательство Мишею XI столѣтія, хранящуюся въ императорской публичной библіотекѣ, гдѣ читаемъ: *видѣшеться, благоухъ нашеться, прѣдъобразовашеться*, и мн. др. Не доказываетъ-ли, напротивъ, это отрицательное объясненіе того, что окончанія *шетъ* и *хуть* суть чисто народныя русскія, а что, слѣдовательно, народнымъ было и прошедшее на *хъ*, какъ было оно во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, есть и теперь еще въ нарѣчіяхъ: болгарскомъ, сербскомъ хорутанскомъ и лужицкомъ, и забылось на Руси также, какъ забылось оно въ нарѣчій хорватскомъ, польскомъ и чешскомъ, кромѣ формы *bych*. Тогда и окончаніе *тъ* становится уже не воображаемымъ, мечтательнымъ прибавкомъ, а остаткомъ, отъ глубокой древности, окончанія 3-го лица и въ прошедшемъ времени, необходимо существовавшемъ въ предавнюю старину во всѣхъ языкахъ отрасли индоевропейской, сберегшимся и въ старославянскомъ нарѣчій въ отрывкахъ, какъ показываютъ: *бысть, повить, начать, приять* и др., и только погибшимъ издавна во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, кромѣ русскаго. И мы смѣло относили эти формы къ числу отличительныхъ признаковъ древняго языка русскаго, на ряду съ *ж*, *ч*, полногласіемъ и такъ д., сравнительно съ остальными родственными нарѣчіями славянскими.—Не менѣе страннымъ, натянутымъ и несправедливымъ представляется объясненіе и звуковъ церковнославянскихъ *жд*, м.р. *дж* и общерусскаго *ж*, на стр. 98—99 въ письмѣ четвертомъ. Спясь видѣть въ малорусскомъ нарѣчій все древнѣйшимъ, г. Максимовичъ, показавши, по своему разумѣнію, какимъ путемъ изъ кореннаго *д* являются приведенные только-что звуки, продолжаетъ: «языкъ южно-русскій въ своемъ произношеніи удерживаетъ первобытный звукъ *дж* и въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, напримѣр: *джерло* — *жерло*, *жерло*, *джбанъ* — *жбанъ*. Такъ и въ санскритско *джани* — *жона*, *жена*; *джива* — *жизнь*, и проч.» Эту первобытность звука *дж*, выводитъ онъ и примѣромъ, какъ «изъ корня *ход*, съ прибавкою глагольнаго окончанія *жу*, выходитъ *ходжу*, какъ и теперь еще говоритъ южно-русскій народъ во многихъ мѣстахъ Украины и Червонной Руси.» По нашему же крайнему убѣжденію

во 1) ни *жд*, ни *дж*, еще менѣе *жс* не суть первобытные звуки. Смягченіе простыхъ звуковъ, посредствомъ сочетанія съ звукомъ другимъ, есть и было всегда явленіемъ позднѣйшимъ, сравнительно съ смягченіемъ непосредственнымъ. — Какъ звукъ *д*, такъ и *т*, въ языкахъ древнѣйшаго вида, ограничивались при смягченіи йотированіемъ; это мы видимъ въ древне-нѣмецкомъ, латинскомъ, греческомъ и санскритскомъ; за этимъ, послѣдовало соединеніе двухъ звуковъ, изъ которыхъ одинъ сохранилъ звукъ коренной; это мы находимъ въ языкахъ: пракритскомъ, литовскомъ и въ славянскомъ; наконецъ, сдѣлался ненужнымъ вовсе коренной звукъ въ звукѣ двусложномъ, какъ въ нарѣчій русскомъ, чешскомъ, лужицкомъ. Такимъ образомъ, первобытнымъ звукомъ отъ смягченія *д* будетъ всетаки *д* (*дь*, *ді*), а *дж* уже вторичнаго образованія, наравнѣ съ оборотнымъ церковнославянскимъ *жд* или польскимъ *дж*. То же происходило и съ звуками гортанными, *г*, *к*, причемъ и самый санскритскій языкъ обнаружилъ уже и развилъ посредственную ихъ смягченность въ *дж* и *ч*. Во 2) въ словахъ: *джерело* и *джбанъ* *дж* никоимъ образомъ не произошло отъ *д*, а приставлено произношеніемъ къ *ж*, также точно какъ представляютъ его малороссіане и къ *з*: *зеркало*, *зерно*, *дзвинъ*, *дзюрчатъ* и т. п. Равно не справедливо и сближеніе малорусскаго *дж*, происшедшаго отъ *д*, съ санскритскимъ *дж*, въ словахъ: *джани* и *джива*: и въ томъ и другомъ *дж* образовалось изъ кореннаго *г* (= *g*), на что, между прочимъ, прямо указываетъ греческое γυνή, γεῖω γυνή. Это коренное *г* не рѣдко, въ санскритѣ, и возвращается въ формахъ, хотя послѣднія уже и образуются отъ вторичнаго корня, гдѣ является *дж*. Такъ, отъ *tagd* погружать, причастіе *tagna*, отъ, *vigg* — возмущать, — *vigna* и др. — Вообще, намъ очень жалко, что г. Максимовичъ не обратилъ на это строгаго вниманія. Оно освѣтило-бы передъ нимъ различіе въ церковно-слав. языкѣ *жд* отъ *д* и *жд* отъ *г* и дало-бы поводъ опредѣлить причину приставки *д*, въ малорусскомъ нарѣчій, передъ *ж*, какъ въ словахъ: *джерело*, *джбанъ* и т. д.; въдь, и въ этой приставкѣ должна быть законная причина: случайностей, съ вѣтру, въ языкѣ не бываетъ. Г. Максимовичъ увидѣлъ-бы ясно, что и тутъ не приставное *д* къ *ж*, а двойной звукъ *дж*, образовавшійся изъ кореннаго *г* (*горло*, *гу*, *тбать*, отсюда *жбанъ* въ рус., *джбанъ* м. рус. Смѣемъ думать и быть даже увѣреннымъ, что таково же происхожденіе и *д* при *з*, въ словахъ *зеркало*, *дзвинъ* и т. п. Относительно глагольнаго окончанія *жу*, въ настоящемъ *хожду*, я не

говорю въ 3), потому что скорѣе признаю въ этомъ опечатку, не допуская даже обмолвки или описки подъ рукою г. Максимовича.

Этимъ я прекращаю замѣтки о частностяхъ г. Максимовича, хотя бы ихъ можно было и удвоить, а съ тѣмъ вмѣстѣ прерываю и вообще свои замѣчанія, вызванныя его письмами къ г. Погодину. Не измѣнивши ни мало своего мнѣнія вълѣдствіе этихъ писемъ, напротивъ, еще болѣе укрѣпившись черезъ нихъ въ прежнемъ своемъ положеніи, что малорусское нарѣчіе, дѣйствительно, ничѣмъ не выразило себя въ древней письменности русской, что на югѣ Россіи въ древности рѣшительно не видно и не было такого отдѣльнаго нарѣчія отъ языка сѣвернаго, какое существуетъ теперь, я тѣмъ не менѣе не могу не желать и, если смѣю, просить, чтобы г. Максимовичъ подвергнулъ вопросъ этотъ новому обслѣдованію и представилъ болѣе вѣрныя, справедливыя и прочныя доказательства своего убѣжденія, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, бездоказательнаго.

П. Лавровскій.

Харьковъ. 8 декабря,
1856 г.